

C h o r n a R a d a by
Pantelejmon A. Kulish
A Study in Bilingual Creativity

A thesis
Submitted to
The Faculty of Graduate Studies and Research
The University of Manitoba

In Partial Fulfilment
of the requirements for the Degree
Master of Arts

by
Tamara Kubrak
September, 1976'

"CHORNA RADA"

by

PANTELEMON A. KULISH

A STUDY IN BILINGUAL CREATIVITY

by

Tamara Kubrak

A dissertation submitted to the Faculty of Graduate Studies of
the University of Manitoba in partial fulfillment of the requirements
of the degree of

MASTER OF ARTS

© 1976

Permission has been granted to the LIBRARY OF THE UNIVER-
SITY OF MANITOBA to lend or sell copies of this dissertation, to
the NATIONAL LIBRARY OF CANADA to microfilm this
dissertation and to lend or sell copies of the film, and UNIVERSITY
MICROFILMS to publish an abstract of this dissertation.

The author reserves other publication rights, and neither the
dissertation nor extensive extracts from it may be printed or other-
wise reproduced without the author's written permission.

Abstract

Kulish's Chorna Rada (The Black Council):

A Study in Bilingual Creativity

by

Tamara Kubrak

The work of this thesis is based on the study of two versions of the historical and social novel, named Chorna Rada, A chronicle of 1663, by P. Kulish, printed in the same year of 1857. Kulish himself calls the Russian version a translation from Ukrainian version, making the task of decision what is the original and what is the translation easy.

The purpose of this thesis is to study the methods and ways of a "free translation", as Kulish calls it, to produce a lexical analysis and to attempt to account for all the differences needed to achieve his goal, e.g. to write two novels under the same title, telling the same story in two different languages, making them adaptable to each language and to the ways of thinking for each nation.

The transformational-generative method will be applied to the findings fitted into the formula of Bilingual Creativity presented by J.B. Rudnyc'kyj.

In conclusion it can be said, that Chorna Rada in the Ukrainian language is a compact, precise novel of the happenings of 17th century in the Ukraine. Confronting the depiction of the same events in the Russian text, we find a colorful diffusion expressed in a larger edition, with more metaphors, pictures of nature, discription of historical events

and places.

Kulish, always ready to improve his writing, could not possibly present the same novel twice without trying to improve it, and to show his world to the Russian reader in a more meaningful way. Although there are critics, who find the Ukrainian edition superior to the Russian edition, Kulish's intentions are clear, he was trying to perfect the original and in my view - succeeded.

Preface

The aim of this thesis is to investigate specifically an example of bilingual creativity and to augment the study of different styles of writings by Kulish, which have not been studied enough by far and therefore surround this brilliant and controversial man with silence.

Even though Kulish's works included compilation of songs and folklore, dramas, poems, novels, linguistic thesises, historical works and extensive translations, it seems that few Slavists on this continent have investigated many of his literary contributions. Perhaps his highly controversial religious, political and literary views have led many critics and scholars to maintain a cautious silence.

The research will be done in the Russian language and a summary of the findings will be rendered in the Appendices in English. The findings of the differences between the Ukrainian and Russian editions, necessary to present each work typical to the respective language and culture, will be presented in the formula of Bilingual Creativity in order to prove it to be a Creative Translation.

Difficulties of this work consisted mainly in getting the rare edition of Chorna Rada in the Ukrainian language, printed in St. Petersburg in 1857 and recently presented materials on deep and surface level structures by H. Birnbaum and W. Haas.

The writer wishes to acknowledge with deep gratitude the inspiration and encouragement given by Dr. J.B. Rudnyc'kyj and for guidance and supervision given by Dr. H.D. Wiebe.

Abstract	Pages
Preface	I
	III

Contents

Chapter		
1.	Introduction	I
	Translation as a Bilingual Creativity	4
	Short Biography and works of Kulish	8
	Kulish - a translator of	13
	a) non-slavic literature	14
	b) slavic literature	19
	c) Chorna Rada	20
2.	Comparison of Ukrainian and Russian texts	30
	a) Substituted words	32
	b) Missed out and added words and phrases	37
	c) Missed out and added sentences	49
	d) Missed out and added fragments	65
	e) Paraphrased passages	78
	f) Different presentation of characters	136
	g) Difference in verses	143
	h) Additional Old-Church Slavic expressions	148
	i) Ukrainisms in Russian text	150
	j) Author's identification with the characters	164
	k) Controversial presentation	167
3.	Conclusion	168
	Bibliography	178
	English summary	181

Abstract	I
Preface	III

Содержание

Глава

1. Вступление	1
Перевод как двуязычное творчество	4
Краткий обзор жизни и творчества Кулиша	8
Кулиш-переводчик	13
а/ неславянской литературы	14
б/ славянской литературы	19
в/ Чорной Рады	20
2. Сравнение украинского и русского текстов	30
а/ замененные слова	32
б/ пропущенные и добавленные слова и фразы	37
в/ пропущенные и добавленные предложения	49
г/ пропущенные и добавленные отрывки	65
д/ перефразированные отрывки	78
е/ различия в представлении персонажей	136
ж/ различия в стихотворной форме	143
з/ употребление церковно-славянского языка	148
и/ украинизмы в русском тексте	150
к/ идентификация автора с образами	164
л/ противоположное изображение	167
3. Заключение	168
Библиография	178
English summary	181

Вступление

Разнообразная и многогранная культурно-литературная деятельность П.О. Кулиша продолжалась близко шестидесяти лет, т.е. от 30-х до конца 90-х годов. Пантелеймон Кулиш, большой эрудит Украины XIX-го столетия, оставил немалое наследие в прозе и поэзии, в исторических и научных работах, в критических статьях и переводах.

Немало уже было написано о Кулише и его работе, но разбор его произведений еще далеко не закончен. В Советском Союзе он считается буржуазным писателем, опасным для разработки, а на западе ощущается недостаток источников.

В деятельности Кулиша было много противоречивого, но оно никак не может скрыть всего того, что он сделал, как в оригинальном художественном творчестве, так и в культурно-научных отношениях. Его деятельность вызвала разные мысли. Ей уделил свое внимание О. Огоновский в книге выданной в 1891 году, шесть лет до смерти Кулиша. В своей книге Исторія литературы русской¹ Огоновский останавливается на разнородностях литературных стилей Кулиша, находя его поэмы близкими лермонтовскому лиризму, например в "Русской хате", в переводах Мицкевича "Русалка", "Романтичность" или в "Чумацких дедях". Огоновский также замечает, что переводы Кулиша 'не всегда точны' и потому часто называются переспевами, как, на-

1. О. Огоновскій, Исторія литературы русской, Львов, 1887-1894

пример, в переводе Байроновского Чайльд Герольда. Это произошло из-за желания Кулиша передать читателю не только содержание, но и вложить в него украинский дух с проявлением собственного мировоззрения.

Одним из первых украинских писателей, собравших произведения Кулиша, был Ю. Романчук¹. В своем предисловии он называет Кулиша смелым и дерзновенным в своих попытках; честным и справедливым по отношению к своим предшественникам; и лишенным мести и подлости, несмотря на все противоречия окружавшие великого подвижника. Разбирая его биографию и произведения, Д. Дорошенко² показал писателя общественным работником, не уменьшая его заслуги как поэта, драматурга, критика, историка, публициста, этнографа и переводчика.

Короткие заметки о Кулише, поданные в Большой и Малой Советских энциклопедиях, мало располагают ученых и диссертантов проводить исследования над его работами в Советском Союзе. Несмотря на это уже дважды разбирал его И. Пильгук /в 1969 и 1970 году/, останавливаясь сперва на прозе, а потом на поэзии. Отношение советских литературоведов к Кулишу хорошо поясняет Г. Кочур в статье Мастерство перевода.

"С наследием этого действительно очень сложного и противоречивого писателя многие годы в украинском литературоведении принято было расправляться весьма просто и решительно: все, что он сделал, расценивалось отрицательно, при посредстве какой-нибудь хлесткой вульгарно-социологической этикетки."³

1. Ю. Романчук, Руська письменність, Львов, 1908
2. Д. Дорошенко, Пантелемон Куліш, Берлін 1917
3. Г. Кочур, Шекспир на Украине, Мастерство перевода 1966, ст. 38, Москва, 1968

И. Ткаченко дает Кулишу заслуженный почет в Критико-биографическом очерке:

"Немає в українській культурі такої галузи, до якої не приклав-би своєї невсипущої праці П.О. Куліш"¹

От этой многогранности происходят его заблуждения, так как "трагедія Куліша - трагедія романтичної культури"².

Вышеприведенные цитаты и работы о Кулише могут подтвердить большое значение многостороннего писателя Украины и важность дальнейших работ над его произведениями и стилями творчества.

Большой интерес вызывают многочисленные переводы и переспевы Кулиша, как с иностранной литературы, так и перевод собственного произведения на русский язык, что является главной задачей этой работы. Сравнение двух изданий Черной Рады будет начато с пояснения понятия "двуязычное творчество" и краткими биографическими данными о Кулише, уделяя внимание его взгляду на собственный перевод, данный в статье "Объ отношении малоросійской словесности къ обще-русской".

Затем будет сделан короткий обзор роли Кулиша как переводчика неславянских и славянских произведений, в том числе и Черной Рады.

Разбор коснется всех разновидностей двух произведений, в которых встречаются различные приемы художественного творчества.

В заключении будет сделан краткий перевод содержания на английский язык.

-
1. І. Ткаченко, Критико-біографічний нарис, Харків, 1927
 2. В. Петров, П. Куліш у п'ядесяті роки, Київ, 1929

Перевод как двуязычное творчество.

Выражение "двуязычное творчество" /Bilingual Creativity/, тесно связано с понятием перевода вообще и такого, который существует в произведении П. Кулиша Черная Рада на русском языке.

Употребляя выражение - перевод, нужно сказать, что в литературе известны, как свободные, так и дословные переводы. Эти два выражения доминируют в литературной критике, хотя известно, что А. Држевицка в своей работе употребляет выражение "воспроизведение или реконструкция" вместо "свободного перевода" и "согласованного с текстом или буквального" вместо "дословного перевода".¹

Перевод, как таковой, обычно выражается словом или словами, достаточно поясняющими данное слово или понятие. Однако известно, что перевод не всегда может быть точным, в особенности если он свободный. Поэтому свободный перевод часто является, так называемым, творческим или художественным.

"Двуязычное творчество" - выражение относительно недавнего происхождения и потому не может быть цитированным с пояснением, ни из словаря, ни из какой-либо энциклопедии. Несмотря на свое короткое существование, теоретический разбор, касающийся этого выражения, связанного с переводами литературных произведений, был проведен в литературной критике уже многими учеными, как например В.В. Кофиловым, Е. Балчерзаном,

1. A. Drzewicka, Z zagadnien techniki tłumaczenia poezji, Krakow, 1971.

Яр. Рудницким, А. Држевицкой и другими.

Первый, кто употребил выражение "вольный перевод", что равносильно выражению "свободный перевод", был сам Кулиш. Он говорит об этом в своей статье "Объ отношеніи малороссі́йской словесности къ обще-русской", которая была написана эпилогом к русскому переводу Черно́ї Ради с украинского языка. Там он тоже поясняет метод, употребленный автором для достижения своей цели.

"Черная Рада" написана мною сперва на южно-русскомъ или малороссійскомъ языкѣ. Здесь напечатанъ вольный переводъ этого сочиненія. Въ переводѣ есть мѣста, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, а въ подлинникѣ осталось многое, не вошедшее въ переводъ."1

Выражение "двуязычное творчество" было употреблено впервые Е. Балцерзаном в 1968 году², но дискуссия, ведущая к этому термину, т.е. разнице между творческим и нетворческим переводом, была проведена несколько раз с тех пор, как ее впервые начал Е. Кухарский в 1922 году³.

Несмотря на известное количество работ, посвященных теоретическим сторонам анализа переводов, сравнительно мало было сделано в анализе свободных или творческих переводов. Еще меньше было сделано в применении трансформативно-генеративного метода к литературным исследованиям в общем и теории переводов в частности.

В работе, презентированной на 12 интернациональном кон-

-
1. П. Кулиш, Черная Рада, Эпилог ст. 231, Москва, 1857
 2. E. Balcerzan, Stuka tłumaczenia i styl (The art of translation and style). Warsaw, 1934
 3. E. Kucharski, Literary Memoirs, Vol. XX, 1923

грессе лингвистов,¹ Др. Яр. Рудницкий дал свой взгляд на трансформативно-генеративный метод и вывел формулу художественного перевода, применимую, как в случае "свободного", так и "дословного" перевода. Вот эта формула:

$$B1.Cr. = A \times \frac{S1}{D1} \rangle A, x, \frac{S1_1}{D1_1}$$

Составные части формулы следует читать по ниже приведенному образцу:

- B1C1 - bilingual creativity / двуязычное творчество/
- Ax - original (x) in the respective language (A) / оригинал, представленный на данном языке/
- S1 - surface level structure / структура поверхностного уровня/
- D1 - deep level structure / структура глубинного уровня/
- \rangle - rendered into another language / представлено на другом языке/
- A, x₁ - 'translated' work (x₁) into another language (A₁) / 'переведенное' произведение на другой язык/
- S1₁ - surface level structure - nuance I / структура поверхностного уровня - нюанс 1/
- D1₁ - deep level structure - nuance I / структура глубинного уровня - нюанс 1/

Метафоры, крылатые слова и другие литературные приемы, как известно, очень трудно перевести на другой язык. Так, например, уже в начале Черной Радн, читаем на ст. 1 русского текста и на ст. 3 украинского издания отрывок, в котором

I. J. B. Rudnyc'kyj, Literary work and the Problem of Bilingual Creativity, XII-th International FILIM Congress. Cambridge, 1972, England

выражение "тяжко грошовитий" переведено "богатого казака", в то время как дословный перевод "тяжело денежный" не давал бы ни пояснения, ни точности, ни понятия первоначального выражения.

Безусловно, наилучший художественный перевод определяется талантом писателя, его осведомленностью материалом и умением владеть языком, как в подлиннике, так и в переводе. Сравнительно недавняя работа В. Каптилова, Лінгвістичні питання теорії та історії перекладу¹, дает более глубокое понятие о переводах, как процессах, развивающихся во время их творения. По средствам постоянного улучшения приемов, а также по средствам более верного подбора стилей в языке достигается то мастерство, которое показал П. Кулиш в Черной Раде. Он доказал не только свои знания исторического материала, умения орудовать в одинаковой мере, как украинским, так и русским языком, но сумел вложить дух и соответствующее настроение понятное и уместное каждому произведению.

Анализируя Черную Раду, как пример двуязычного творчества, внимание будет сосредоточено на замененные, добавленные или пропущенные слова, фразы, отрывки и т.д., употребленные Кулишем для достижения своей цели, а именно, для сообщения настроения соответствующего каждому языку.

1. В.В. Каптилов, Лінгвістичні питання теорії та історії перекладу, Київ, 1963, ст. 69

Краткий обзор жизни и творчества Кулиша

Чтобы лучше понять действия Кулиша и оценить чувства, побудившие его написать Черную Радугу на двух языках, необходимо остановиться на некоторых этапах его жизни, которые обусловили его бесспорно своеобразную индивидуальность в его произведениях.

Ранние годы жизни Кулиша освещены достаточно ярко в биографических работах И. Ткаченко, Д. Дорошенко и др. и о них повторять излишне. Все же не лишне упомянуть о том, что его писательская деятельность начинается с ранней юности и он печатается уже с 1840 года. С этих пор Кулиш, не покладая пера продолжает научно-литературную деятельность до конца своих дней. Его авторский путь не был ни гладким, ни ровным. Легко подчиняясь побуждениям своего вспыльчивого характера, он часто заблуждался. Но причиной для его тяжелой жизненной дороги был не всегда он сам. Строгая цензура при царском правительстве и преследования 'третьего отделения' не обошли и Кулиша. Он был арестован, сослан и лишен права писать около семи лет, но неутомимая жажда деятельности не покидала его все время. Об этом свидетельствуют нижеприведенные псевдонимы, которыми пользовался автор, подписывая свои произведения: Козакъ Белебень, Т. Вешнякъ, Гургурдядько, Петро Забоцень, Иродчукъ, Панько Казюка, П.К. Ломусъ, Николай М., Н. Необачный, Панько Небреха, Опанась Праць, Павло Ратай, Ратай, Денись Федоренко, Хуторянынь, Д.П. Хоречко, Даныло Юсь.¹

1. Дубове листе . Альманахъ на згадку про П.О. Кулиша.

Будучи одаренным талантом скорого изучения языков, Кулиш знал английский, французский, немецкий, испанский, итальянский, все славянские языки, так же как латинский и древнееврейский. Эти знания помогали ему читать литературу в оригинале и изучать историю, которой он интересовался со школьной скамьи. Стремление к правильному изображению исторических событий ведет к возникновению романа Чорна Рада. Хроника 1663 года .

Кулиш гораздо больше писал по-русски, чем по-украински, преимущественно на украинские темы. Хотя, как считает Дорошенко, русские уступали произведениям, написанным на украинском языке с художественной точки зрения.¹ Литературные издания на русском языке затрагивают больные места в жизни Украины: стычки украинского населения с представителями русской цивилизации; высмеивание выходцев из простого сельского сословия, стыдящихся своего происхождения, или поощрение тех, которые, достигнув образования, не порывали со своим прошлым.

Одной из выдающихся идей Кулиша с молодых лет была его идея восстановить украинский язык на уровень других европейских языков. Лишение украинского народа своего государства привело литературный язык к упадку, официально он был деградирован до диалекта и считался мужицким. В опровержение этим взглядам Кулиш переводит Байрона Чайльд Гарольд и произведения других западных писателей на украинский язык, доказывая гибкость и эластичность языка и возможность выразить на нем тончайшие

1. Д. Дорошенко, Пантелеймон Кулиш, ст. 123

мысли в изысканной форме.

Подтверждая свои взгляды, в письме к Плетневу, он писал: "жизнь нации не останавливается с упадком ее страны если только эта нация удержит свою национальную устремленность, выражающуюся в родном литературном языке".¹

В середине и во второй половине XIX столетия вопрос правописания в украинском языке усложнился тем, что каждый писатель употреблял свои правила. Крайняя надобность в приспособлении письма к передаче особенностей живого украинского языка ощущалась все сильнее и сильнее. Эту надобность чувствовал Кулиш уже при издании первых глав Черной Рады в 1845 году и даже раньше. Для установления литературных форм и стандартов Кулиш выдал Энциклопедию и Граматику. Они были основаны на народном языке того времени. Правописание, произношение и акцентуация были приняты, выданы в 1857 году и остались известны под названием "кулишивки"² и до настоящего времени. Отрывки из Святого Писания и шекспировских произведений входили в грамматические упражнения. Грамматика устранила много неясностей уже потому, что она была выдана отдельной книгой и представляла из себя кодекс правил для выражения живой украинской речи. Кулиш использовал все наилучшее испробованное О. Павловским, Г. Квиткой-Основяненко, А. Метлинским и другими.³ Он ввел порядок в употребляемые предшественниками

1. Д. Дорошенко, Пантелеймон Куліш, ст. 125

2. Історія української мови, П.П. Пліщ, ст. 355

3. Історична граматика української мови, Київ, 1962, ст. 65

и современниками правила, придерживался их в своих многочисленных произведениях и популяризировал их в народе.

Собранное Кулишом правописание употреблялось в практике петербургским издательством "Основа", а также в изданиях "народников" в Галиции в 60-х - 80-х годах XIX столетия. Оно пользовалось в свое время наибольшей популярностью. В общих чертах правописание характеризовалось склонностью к надмерной фонетизации. Украинский звук и, как и в грамматике Павловского передавался буквой і, а звук ы - буквой и. Для передачи звонкого звука г употреблялась латинская буква g; буквой е обозначалось йотованное о и мягкость согласного звука перед о /ёго, слёзоу/. В противоположность фонетической тенденции у Кулиша сберегся ь /твердый знак/ после твердых согласных на конце слова. Так же все дву- и многосложные слова имели акцент, причем наиболее акцентированное слово в предложении обозначалось акцентом справа налево. Например: "Тепёръ чор'зна якъ ста́ло на Украї́ні!"

Кулиш не только просветитель, поэт и писатель, но и проницательный критик; он умел несколькими словами уловить основные черты творчества автора и дать ему точную характеристику. Вот одна из его характеристик Гребінки из его предисловия к "Приказкам".

"Гребі́нка, пишучи 'Приказки', малює нам тут же наші села, поля й степи свіжими, да й не позиченими фарбами. Коли сміється він, то прислухайтесь - тут же криві сміх почувате якийсь сум; коли ж справді сумує,

то слово його процвітає квітками широї поезії української. Широкі його 'Приказки', як наші степи, жартовливі вони, да якість і сумовиті, як наші селяни; шуткуючи, сі 'Приказки' займають душу зглибока".¹

Говоря о Кулише-критике, нельзя выпустить из виду его как биографа и критика Гоголя. Несомненно Кулиш ценил Гоголя, хотя часто не соглашался с его взглядами. Уже в студенческих годах Кулиш восхищался его рассказами из украинской жизни, а после смерти Гоголя он сразу же откликнулся по поводу этого трагического случая биографической статьей. Через два года Кулиш опять выдал работу о Гоголе с включением до сорока его писем, а затем работал на протяжении 30 лет, изучая биографию и творчество Гоголя.

Кулиш умер после 77 летней жизни в 1897 году, пройдя сложный путь перемен в своем мировоззрении. По словам Чижевского:

"Від романтизму він еволюціонував до позитивізму, від релігійного світогляду - до культу миротворницької-науки."²

Несмотря на то, что большинство известных поэтов и писателей чувствовали раздвоение души, одиночество и были непонятыми в своей среде, мало кто был так отрезан и одинок, как Кулиш; но и мало кто порицал и защищал свой народ, как он.

Черную Радугу Кулиш перевел на русский язык исключительно для того, чтобы дать возможность большому числу славянских читателей узнать об историческом прошлом Украины.

1. Е. Гребінка, Малороссийскіе приказки, Санктпетербургъ, 1834,

ст. 3

2. Д. Чижевский, Нариси з історії філософії на Україні, Прага, ст. 119

Кулиш-переводчик

Интерес Кулиша к переводам европейских классиков на украинский язык возник уже в пятидесятых годах, одновременно с идеей обогатить свой родной язык и сделать его применимым к выражению изысканнейших мыслей, чувств и побуждений. Главная часть над переводами работ принадлежит последним годам его жизни. Кулиш стоит во главе писателей XIX-го столетия, которые достигли значительной техники в переводах, что засвидетельствовано его многочисленными и мастерскими переводами и переспевами из славянской и неславянской литературы. Он новатор переводной литературы в украинском языке. Если подойти к его переводам с современными требованиями, многое в них не удовлетворит нынешнего читателя. Стихотворные переводы сделаны не строка в строку, а часто много увеличены, там где у Шекспира в оригинале может быть тридцать строк, у Кулиша выражено в тридцать пять строк. Торжественность и архаизмы делают перевод тяжелым для чтения.

Кулиш, пионер в области языка и выработки стихотворных форм в украинской литературе, не мог писать иначе при конце XIX столетия. Принимая во внимание это обстоятельство, достижения переводчика представляются весьма значительными, а работа может быть приравнена к подвигу. К его переводам должен обращаться современный литератор-переводчик, черпая стилистический опыт для своих переводов.

а/ Кулиш-переводчик неславянской литературы

Наибольшее количество переводов Кулиш сделал из английских произведений Шекспира. Он посвятил им много лет своей жизни. Иван Франко высоко ценил его и так отзывается о Кулише-переводчике в предисловии к переводу трагедии "Гамлет":

"Куліш - першорядна звізда в нашому письменстві, великий знавець нашої народної мови, а при тім добрий знавець язиків та літератур європейських народів. Він узявся перекладати Шекспіра не для проби, а певний свого панування над рідною мовою. Вимоги докладності і вірності оригіналові він розумів далеко не так, як Д. Старицький, і дав нам переклад, з яким можемо без сорому показатися в концерті європейських перекладачів великого британця. Держачися оригіналу далеко докладніше, ніж його попередники, Куліш уміє при тім надати своєму перекладові свій індивідуальний колорит, щось таке, що дозволяє відразу пізнавати в ній працю Куліша, а не жадного іншого українського поета. Є якийсь своє рідний тихий пафос, якийсь розмірений широкий подих у власних творах і в перекладах свого автора, щось мов широкі, могутні рухи великого корабля на великій ріці".¹

Хотя наибольшее количество переводов сделаны Кулишом из английского языка, важное место в его деятельности, как переводчика, занимает перевод Святого Письма. Сначала он хотел его переводить стихами, т.к. находил его поэтическим произведением староеврейской словесности.

В 1868 году появились на страницах львовской "Правды" две Мусієві пісні, потом перевод нескольких псалмов и книга Йова, псевдонимно подписанные именем Павла Ратая.

1. Иван Франко, Літературно-критичні статті, Київ, 1955, т. 18, ст. 321.

В 1869 году вышла тоже во Львове отдельной книгой Йов с предисловием Коли написано книгу Йова. /Вибірка з останнього працювання науки колосієї речі/. В 1871 году там же появилась книга Псалтир або книга хвали Божої. Это были первые переводы Куліша из Святого Писания, исключительно для которого он выучил древнееврейский язык и перечитал немало староеврейской литературы.

Эти стихотворные переводы отличаются высоким поэтическим стилем. Они были выпущены Кулишом на пробу, но в дальнейшем он думал, что для церковного употребления нужен более точный перевод в прозе и потому в 1870 году он выдал Святе Письмо, перша частина Біблії, п'ять книг Мусієвих, в прозе, а так же перевел Святые Благовествования четырех евангелистов, сделанные совместно с д-ром Ив. Пуллем в Вене 1870 года. Позже Куліш опять возвращается к стихотворной форме перевода Библии, издавши в 1893 году в Коломеи Товитові словеса, апокрифическую книгу Старого Завета.

Кроме всего этого Кулиш сделал стихотворный перевод Пісні пісень из Библии под названием Хуторянка або співана хвала молоді перед вісільними гостями, антична народня диво-вижа. В такой форме напечатал Куліш свое произведение в Буковинском альманахе "Руська Хата", изданном в 1877 году Данилом Млакою в Чернивцах.

По окончании этой работы Куліш начал перевод целой Библии и уже летом 1872 года он закончил перевод Библии, Старого и Нового Завета и приготовил к печати.

По каким-то соображениям он эту книгу в печать не отдал, а вспыхнувший пожар на хуторе ее уничтожил. Но Кулиш не унывал, а принялся опять за перевод, выписывал себе наилучшие экземпляры с комментариями на разных языках, продолжая неутомимо работать до конца своих дней. Закончить Библию ему не удалось, было переведено только три четверти ее. Остальную часть закончил Иван Нечуй-Левицкий и издал в Вене в 1903 году.

Второе, по ^освоему значению, место в творчестве Кулиша имеют переводы европейских классиков. Его наибольшей заслугой в этом отношении являются переводы из Шекспира. Кулиш взялся за них как мастер украинского слова. Поэтому его переводы вышли образцовыми, передавая текст гениального англичанина не только с точностью, но и со всеми нюансами формы. Как говорит Франко в предисловии к шекспировским переводам: "всякий, кто отныне у нас захочет взяться за перевод Шекспира, будет иметь перед собой тропинку протоптанную Кулишом, массу оборотов, выкованных им, массу слов и фигур, введенных в нашу литературную сокровищницу".¹

В 1882 году Кулиш издал первый том шекспировских произведений, куда вошли Отелло, Троїл та Крессида и Комедія помилок. Он имел в виду издать сейчас же и второй том, куда должны были войти Король Лір, Коріолан и Приборкана гоструха. Но эта книга не появилась в свет при его жизни, а была напечатана

1. Г. Кочур, Шекспир на Украине. Мастерство перевода. Москва 1968, ст. 38.

уже после его смерти наряду с другими драмами Шекспира под редакцией И. Франко в 1899 - 1902 году во Львове. Кроме названных пьес, известны в переводе Кулиша Гамлет, Антоній і Клеопатра, Юлій Цезар, Ромео та Джульєта, Міра за міру, Богацько галасу з нечевля. Всего было издано тринадцать драм. К десяти из них И. Франко дал свою вступительную статью с разбором произведений. Исследователи говорят еще о двух пьесах - о Венецьким купці и Пимбеліні. Кулиш сам упоминает их в одном своем перечне переведенных или переводимых пьес. Принято считать, что эти переводы утеряны. В самом ли деле утеряны рукописи, погибли ли они во время пожара 1886 года, или, может быть, Кулиш не успел сделать переводы этих пьес - трудно сказать.¹

Байроновский Дон Жуан в переводе появился в ежемесячнике "Правда" в 1891 году. Тогда же была переведена целая поэма Чайльд-Гарольдова мандрівка, но отдельной книгой она была издана уже после смерти Кулиша в 1905 году во Львове. По поводу перевода Чайльд-Гарольдової мандрівки и других переводов, О. Огоновский высказывался как о переспевах. Переспев отвечал желанию Кулиша выявить свой взгляд и делал возможным дать своему переводу украинский оттенок. В таком же духе была переведена поэма Шильонський в'язень, несколько лирических пьес и множество стихотворений.

1. Г. Кочур, Шекспир на Украине, из книги Мастерство перевода, Москва, 1968, ст. 36.

Кроме Байрона переводил Кулиш еще великих немецких поэтов, таких как Шиллер, Гёте и Гейне. Из Шиллера переведена его известная баллада Граф Габсбург, Идеали, Кунштарі, Пісня про дзвін, Покора и Грецькі боги. Из Гёте - Коринтська молода, Римські елегії, стихотворения Співець, Міньон, Вільшаний цар, Пряха и др.. Из Гейне несколько десятков поэзии из его Книги песен. По сведениям данным Д. Дорошенко, переведенная Кулишом драма Шиллера Вильгельм Телл еще не напечатана. Это утверждение можно принять за правдоподобное и в наши дни, т.к. проведенные розыски не увенчались успехом, а соответствующие соображения подтверждают утверждение Дорошенко.

б/ Кулиш-переводчик славянской литературы

Переводы Кулиша из славянской литературы можно назвать переспевами скорее, чем какие-либо иные переводы. Они ни в какой мере не могут быть названы точными. Иногда Кулиш употреблял обширное украинское пояснение, а в другом случае он сжимал две строчки оригинала в одну. Переводы, сделанные из русских писателей, были просто суукраинизированы и стали жемчужинами украинской поэзии: такие как Степ о півдні, На греблі, Гадання-віщування и др.

В начале шестидесятых годов он перевел с польского баллады А. Мицкевича Русалка, Химери и Поворот тата. Они были напечатаны в сборнике Досвітки вместе с переводами, сделанными из произведений русских писателей: И. Никитина - Степ опівдні и др., А. Кольцова - Чумаки-ночліжане, Степова могила и др., А. Фета - Степ, Вечір у стену и др., А. Толстого - Україна, Д. Минаева - Гадання-віщування и др., А. Пушкина - Дон и др.

Переводы и переспевы Кулиша были изданы отдельным сборником Позичена Кобза. Впервые это собрание опубликовано в 1897 году в Женеве уже после смерти П. Кулиша, но подготовлено к печати оно было им собственноручно в ноябре 1896 года. Идея издать переводы отдельной книгой появилась уже в 1892 году в результате длительной и кропотливой работы над ними.

Своими переводами Кулиш внес в сокровищницу украинского слова дорогой вклад, именем которой могут похвалиться в своей литературе не многие народы.

в/ Кулиш-переводчик Чорно́ Радн

Цель, побудившая Кулиша написать Чорну Раду на двух языках, была неутомимая ревность к науке, к воспитанию и просвещению не только на своей родине, но и окружающих Украину народов, которые посредством вольного перевода могли узнать много до того времени недоступного для них.

По своей молодости и романтичности души Кулиш неоднократно попадал под влияние одного или другого писателя или поэта. Уже со школьной скамьи Кулиш увлекался М. Максимовичем. От него перенял Кулиш увлечение историей Англии и Шотландии. Впоследствии он увлекался Н.В. Гоголем, А.С. Пушкиным и другими. Естественная заинтересованность литературой и историей приводили писателя к глубоким размышлениям над своими произведениями и над произведениями других писателей; в частности над историческими художественными произведениями. Писателями принято быть в своих романах исторически не вполне точными. Этим правом пользовался Н.В. Гоголь как писатель. Кулиш, будучи идеалистом не терпящим неточностей, не соглашался с гогольской интерпретацией исторических фактов. Уже в 1843 году, перечитывая Гоголя, внимание Кулиша останавливается неоднократно на произведении Тарас Бульба. Чем больше он размышлял над этим произведением тем более убеждался в том, что Гоголь слишком много отделился от действительности и тем более он желал сотворить такое произведение, которое было бы занимательно читать и отвечало бы историческому прошлому. С мыслью написать такое произведение Кулиш носился уже давно, что видно из одного из его первых романов Михайло Чарнишенко или Малорос-

сія 80 лѣтъ назадъ, в котором некоторые герои очень напоминают героев Черної Ради. Так, например, Щервин напоминает Кирило Тура, Радивой - Богдана Черного, а сам Михайло Чарнишенко - Петра Шрама.

Так родился исторический роман Чорна Рада, хроніка 1663 року. Врожденное чувство любви и преданности Украине и ее народу заставили написать хронику не только присущим этому народу языком, но и присущим ему духом. В своем эпилоге к русскому изданию, Кулиш высказывается об избрании языка для подленника следующим образом:

" Я долго изучалъ его въ письменныхъ памятникахъ старины, въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ и въ повседневныхъ сношеніяхъ съ людьми, незнающими никакого другого языка, и раскрывшійся передо мною его красоты, его гармонія, сила, богатство и разнообразіе дали мнѣ возможность исполнить задачу, которой до сихъ поръ не смѣлъ задать себѣ ни одинъ Малороссіанинъ, именно - написать на родномъ языкѣ историческій романъ, во всей строгости формъ, свойственныхъ этого рода произведеніямъ".¹

Сюжет Чорної Ради Кулиш взял из времен после правления Хмельницкого, когда Украина распалась на Правобережную с гетманом Павлом Тетерей, стоящего за воссоединение Украины с Польшей, и Левобережную, где из-за гетманской булавы спорили полковник Яким Самко, полковник Василь Золотаренко и запорожец Иван Бруховецкий. Тогда уже была видна разница в казачестве, городское казачество не удовлетворялось старшинством, а нерегулярные воины и казаки-хлеборобы прозывались "черню". Эти

1. П.А. Кулиш, Черная Рада, Эпилог-Объ отношеніи малороссіискій словесности къ обще-русской, ст. 252, Москва, 1857

неудовольствия поддерживались и возбуждались запорожскими казаками. В это беспокойное время Бруховецкий пришел с Запорожцами в Нежин, обещая недовольным казакам и черни равноправие, посмеяние старшие в случае своей победы и обогащение казаков грабежами. В то же время он клялся в верности Москве, рассчитывая на ее поддержку. Он добивался сбора народного совета известного под названием "Черной Рады", где голос могли иметь не только казаки, но и все мещанство. Представитель московского правительства боярин Гагин, стоявший с войском в Украине, допустил сбор "Черной Рады" 17 июня 1663 года под Нежином. Бруховецкий выиграл при помощи лживых обещаний и Москвы. После его победы Золотаренко добровольно перешел на сторону Бруховецкого, но ему этот жест не помог: он был арестован вместе с Сомко и их приверженцами. Жестокая расправа с проигравшими положила начало беспорядочному правлению Бруховецкого.

Это тяжелое время в истории Украины описал Кулиш в своей хронике. Как известно, написанное на украинском языке произведение сейчас же было переведено на русский язык или писалось на двух языках одновременно, т.к. начатое в начале 1840-х годов произведение на украинском языке, вышло уже в 1845 году на русском языке в журнале "Современник", издаваемом П. Плетневым, пятью главами. Обе книги были готовы к печати уже в 1847 году, но не были изданы до 1857 года. Украинское издание Чорна Рада, хроніка 1663 року было издано в Санктпетербурге, а русское издание печаталось сперва в журнале Русская Беседа и вышло отдельной книгой в Москве, к которой был прибавлен

эпilog Объ отношенiи малороссiйской словесности къ обще-русской.

Что заставило Кулиша вообще перевести Чорну Раду на русский язык? Ответ на этот вопрос надо искать и можно найти в эпиглоге к русскому изданию, упомянутом выше.

Как известно, царская цензура, при которой должен был творить Кулиш, была чрезвычайно строгая. Сам он был уже преследован властью за участие в Кирило-Мефодиевском братстве, около семи лет был лишен права писать и печататься. Арест, ссылка и их последствия совпадают со временем между написанием Чорно! Ради и выходом ее в печати.

Ниже приведенные доводы основаны на цитатах эпиглога, поэтому ~~кроме указания страниц, излишне~~ делать добавочные пояснения.

Эпиглог в русском тексте объясняет не только причины побудившие Кулиша перевести Чорну Раду с украинского языка на русский язык, но и его извинения за то, что он вообще посмел написать произведение на украинском языке:

... "считаю не лишнимъ объяснить, почему русскiй писатель нашего времени, для изображенiя малороссiйскихъ преданiй, нравовъ и обычаевъ, обратился къ языку, неизвѣстному въ Сѣверной Россiи и мало распространенному въ читающей южной-русской публикѣ. /Ст. 231/

Следующие слова безусловно направлены в настороженные уши цензуры, в которых он говорит, что писал Чорну Раду на украинском или малороссийском языке не "подъ влiянiемъ узкаго мѣстнаго патрiотизма", и что им не "управляетъ желанiе образовать отдѣльную словесность, въ ущербъ словесности общерусской." /Ст. 232/

Дальше он приводит ряд "причинъ заставивших" его "избрать языкъ южно-русска́й для художественнаго воссозданія лѣтописныхъ нашихъ преданій". /Ст. 232/ Один из первых доводов Кулиша для написания исторического произведения на украинском языке был связан с сентиментальным чувством прошлого, т.к. уже

"у Гоголя послышалось русскому уху что-то родное и какъ бы позабытое отъ времянь дѣтства; что вновь открылся на землѣ русской источникъ слова, изъ котораго наши сѣверные писатели давно уже перестали черпать... /Ст. 233/

Другой довод был связан с любовью и чувством преданности своему народу, и с христианским изречением из эпилога "принести пользу ближнему". /Ст. 250/ Когда Кулиш писал Чорну Раду сперва на украинском языке, он думал главным образом о пользе для своего народа, как о рубашке самой близкой к телу. Он писал

"на томъ священномъ языкѣ, посредствомъ котораго мать внушала ему правила честности и добродѣтели." /Ст. 250/

Эпилог Кулиша пестрит острыми и меткими замечаниями. Одно из них правильно подмечает недостаток в знаниях "Великоросси́ян":

"Не наша вина, если уроженцы сѣверныхъ губерній не включаютъ нашего языка въ число разнообразныхъ предметовъ своей любознательности." /Ст. 249/

Другое замечание очень тонко указывает на преимущества "Сѣверной или Великой Россіи" от присоединения к ней "Южной Руси" или "Малоросси́и". Он подчеркивает насколько поднялась умственная жизнь на Севере от прилива новых сил с юга и от деятельного участия Южной Руси в развитии северно-русской литературы:

... "не ничтожный народъ присоединился въ полови-
не ХУ11 вѣка къ московскому царству. Онъ боль-
шею частью состоялъ изъ характеровъ самостоя-
тельныхъ, гордыхъ сознаниемъ своего человѣческаго
достоинства; онъ въ своихъ правахъ и понятіяхъ,
хранилъ и хранить до сихъ поръ начала высшей
гражданственности; онъ придалъ Россіи множество
новыхъ, энергическихъ дѣятелей, которыхъ влия-
ніе не мало способствовало развитію государст-
венной силы Русскаго народа; он, наконецъ,
пришелъ.... съ языкомъ, богатымъ собственно ему
принадлежащими достоинствами, которые въ буду-
щемъ, своенравномъ образованіи литературы должны
усовершенствовать органъ русскаго чувства и
русской мысли, - этотъ великій органъ, по сте-
пени развитія котораго ценятся исторіею народы."
/Ст. 253/

Несмотря на суровую цензуру и недоразумения с властями,
Кулиш не очень осторожен в выражении своих мыслей, что видно
уже из выше приведенной цитаты. Тогда как неуместные советы
царского правительства он выражает следующим образом:

... "намъ очень добродушно совѣтуютъ оставить разра-
ботку малороссійскаго языка посредствомъ худо-
жественныхъ созданій; но это совѣтуютъ люди,
неимѣющіе понятія о томъ, какое влияніе имѣеть
высоко развитая сила и красота родного слова
на нравственное благосостояніе целаго племени."
/Ст. 249/

Останавливаясь на фантазии писателя и языке, которым он
ее изображает, Кулиш метко замечает насколько теряет каждое
произведение, написанное не в соответствии мысленія с выраже-
ніем. Что было допустимо для одного писателя - Н. Гоголя,
осталось невозможным для другого - Квитки-Основьяненко. Расска-
зы, написанные не в соответствии мысленія к избранному языку,
становились скучными;

... "тотъ самый писатель, который смѣшилъ и застав-
лялъ плакать своихъ земляковъ малороссійскими
рассказами, сдѣлался для нихъ такъ же скученъ,
какъ и для Великороссіянъ". /Ст. 244/

Дальше автор поясняет, ссылаясь на музыку, что мысли, выработанные не у самого писателя, составляют чужую собственность и не производят на читателя нужное впечатление.

"Какъ въ пѣснѣ музыка, такъ въ книгѣ языкъ есть существенная часть изящнаго произведенiя, безъ которой поэтъ не вполне действуетъ на душу читателя." /Ст. 245/

К сказанному уже выше о зарождении мысли у писателя, Кулиш говорит, что она становится частью души и особенностью ее:

"Дѣло тутъ не въ одной разности языковъ; дѣло въ особенностяхъ внутренней природы, которыя на каждомъ шагу оказываются въ способъ выраженiя мыслей, чувствъ, движенiй души, и которыя на языкъ, не природномъ автору, выразиться не могутъ." /Ст. 251/

В следующих доводах Кулиш знакомит читателя с ранними событиями в истории и указывает на ступени развития культуры в глубокой старине. Неоспоримый факт, что культура у Славян, развившаяся сперва на Киевщине, затем во Владимире на Клязьме, а потом в Москве, ставит южно-русское слово во главе письменности; но все-таки он решает перевести свой роман на русский язык. Объяснение этого явления можно получить из следующей цитаты:

"Я долженъ былъ отказаться отъ удовольствiя быть читаемымъ тѣми изъ писателей великорусскихъ, которыхъ судомъ я дорожу, и которыхъ дружба возбуждала во мнѣ живѣйшее желанiе доставить имъ чтенiе серьезное и удовлетворительное. Я долженъ былъ ограничиться небольшимъ кругомъ читателей, ибо немногiе изъ земляковъ моихъ въ настоящее время способны оцѣнить мои труды по предмету разработки южно-русскаго языка и возведенiя его въ достоинство историческаго повѣствованiя. А долженъ выдержать порицанiя людей, которые своимъ авторитетомъ имѣють влiянiе на умы неопытные и неутвердившиися." /Ст. 252/

Что же касается самой техники перевода Черной Рады, что

является основным интересом разбора, Кулиш опять-таки высказывается в своей статье словами коротко цитированными раньше:

"Въ переводъ есть мѣста, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, а въ подлинникѣ осталось многое, не вошедшее въ переводъ. Это произошло, какъ отъ различія духа обоихъ словесностей, такъ и отъ того, что, сочиняя подлинникъ, я стоялъ на иной точкѣ зрѣнія, а въ переводѣ я смотрѣлъ на предметъ, какъ человекъ известной литературной среды. Тамъ я по возможности подчинялся тону и вкусу нашихъ народныхъ рапсодовъ и расказиковъ; здѣсь я оставался писателемъ установившагося литературнаго вкуса. Думаю, что отъ этого подлинникъ и переводъ, изображая одно и то же, представляютъ, по тону и духу, два различныхъ произведения."
/Ст. 231/

Переведя Чорну Раду, автор не чувствовал, что работа им проведена удовлетворительно в замене украинских слов русскими. Это видно из следующей цитаты:

... "предпринявъ вѣрное изображеніе стариннаго козачества въ "Черной Радѣ", на пользу своимъ ближнимъ, напрасно усиливался замѣнить южно-русскую рѣчь языкомъ литературнымъ, общепринятымъ въ Россіи. Перечитывая написанныя главы, я чувствовалъ, что читатели не получаютъ изъ моей книги вѣрнаго понятія о томъ, какъ отразилось бывшее въ моей душѣ, а потому не воспримутъ вполне и моихъ историческихъ и христіанскихъ убѣжденій."
/Ст. 251/

Известно, что есть два выпуска Чорної Ради /1857, 1890/ на украинском языке и один выпуск на русском языке /1857/, изданных при жизни Кулиша. Предварительно изданные пять глав в Современнике в 1845 году, многим отличаются от первого полного издания, напечатанного в 1857 году в Москве.¹

Есть основания предполагать, что каждое из них имеет поправки самого автора.

1. В. Петров, Кулиш у п'ядесяті роки. Київ, 1929, ст. 381

Убедиться в разнице между ними можно только посредством тщательного сравнения всех изданий, что не является задачей этой тезы. Сравнения произведутся исключительно над первым полным выпуском украинского и русского издания 1857 года.

Выше приведены доводы и соображения Кулиша по поводу написания Чорної Ради на украинском языке и причины заставившие или побудившие перевести ее на русский язык. Так же по его собственным словам, им был "напечатанъ вольный переводъ" /Ст. 231/ украинского произведения на русский язык. В чем же выразился этот вольный перевод? При подробном разборе двух произведений можно убедиться, "особенности внутренней природы" украинского народа были достигнуты сжатостью выражений в разговоре и описаниях, "своею красотою и нежностью, и мрачною энергиею". /Ст. 241/ Русское издание назвать переводом можно лишь с трудом, т.к. едва найдутся три предложения подряд, которые действительно могут быть названы переводом. Русское издание гораздо больше украинского: первая глава русского издания имеет 727 слов больше чем украинское, вторая глава - 440 слов больше, а третья глава начинается вставленной картиной из истории, занимающей три с половиною страницы, и так далее.

Сравнивая эти два издания можно скоро убедиться в том, что русское издание является не только расширенной переработкой оригинала, но и может быть сравнено с искусством вышивки цветного узора по канве, из-за введенных обширных исторических пояснений, добавочных метафор, сравнений, живописных картин природы и обогащения образов действующих лиц.

Это может быть объяснено, как характером писателя, так и желанием достигнуть своей цели. Сам он совершенствователь и хороший критик, готовый поправить себя и других, не мог писать два раза одно и то же, не стараясь поправить себя, где это ему казалось нужным. А также Кулиш дал русским более обширную книгу, т.к. хотел показать свое родное в лучшем свете и должен был приспособить свой образ выражений к более утонченному вкусу русского читателя, уже избалованного французской литературой.

Сравнение украинского и русского текстов

Тщательное исследование произведения Чорна Рада на украинском и русском языках привело к утверждению, что разница между ними очень большая. Если принимать во внимание пропуски слов, предложений и целых отрывков в переведенном произведении, или добавления слов, предложений и отрывков, то можно установить определенные "поверхностные" уровни структуры, приобретаемые в зависимости от пропусков или добавлений.

Говорить о "поверхностной" и "глубинной" структуре можно не только в переводах. М. Сафир и С. Ваймберг применяют эти термины к восприятию русской видовой корреляции,¹ Д.С. Ворт применяет их к славянской морфологии², а Яр. Рудницкий в фонетике и фонологических аспектах³. В переводной литературе эти структуры так же явны, как в корреляции, морфологии и фонетике. Так как идея при переводе остается общей и неизменной, литературные приемы и способы их применения использованы своеобразно в каждом произведении. Различия в методах и приемах, употребленных для достижения правильного освещения общей идеи, приводят к разным уровням "поверхностной" структуры. При всем различии употребления методов и приемов в двух произведениях, они кажутся на первый взгляд переводом и потому "глубинный" уровень обоих произведений остается без изменений.

-
1. М. Сафир и С. Ваймберг. Язык и литература. Russian Language Journal, Moscow, Vol. XXVIII, 1974, p. I
 2. Deam S. Worth, "Surface Structure" and "Deep Structure in Slavic Morphology", American Contribution to the VI International Congress of Slavists. Prague, 1968, Vol. I, p. I
 3. J. B. Rudnyč'kij, Phonetic and Phonological Aspects of 'Deep Structures'. Proceedings of the VII International Congress of Phonetic Sciences. Mouton, 1972.

Кроме пропусков и добавлений отмечаются еще другие отклонения, как замена одних слов другими, отрывки иначе написанные или перефразированные, различное представление героев, противоположное описание и др. Все эти отклонения отмечены в содержании пунктами от 'а' до 'к' и разбираются соответственно указанному порядку.

а/ Замененные слова

К первому виду разнородностей двух произведений можно отнести отдельные слова, выраженные иначе. Исследуя ниже приведенные разновидности выражений, нельзя представить себе схемы, которой мог бы придерживаться Кулиш. Нельзя утверждать, что он употреблял какое-либо имя, например Кирило Тур, титул - князь или гетман, или определение - ясновельможный, исключительно в одном издании. Нет, они встречаются в обоих изданиях, но имя Бруховецкого Иванец придает украинскому изданию пренебрежительный оттенок, тогда как в русском издании оно одно из украинизированных выражений, которых в русском издании масса и которые употребляются преимущественно в разговорах. Имя Иванец встречается чаще в украинском издании, чем в русском, а название Запорожец чаще встречается в русском издании, которое в этом случае заменяется именем Кирила Тура в украинском тексте. Так же можно заметить разницу в употреблении старого названия Украина в украинском тексте, замененное словом Украина в русском тексте. В тех же случаях, где в украинском тексте употребляется слово Украина, оно может быть заменено в русском тексте названием Малороссия.

Уместно заметить, что тут показаны только разновидности двух произведений, а случаи, в которых слова выражены одинаково, здесь не упомянуты. Эта работа сосредоточена главным образом на двуязычном творчестве Кулиша, как вольном или художественном переводе, выраженном в разновидностях этих изданий и потому здесь идет разговор о ступенях "поверхност-

ной" структуры, выраженных в различном применении художественных приемов.

Первый художественный прием - замена одних слов другими при 'переводе' Чорної Ради с украинского языка на русский представляет собой один из тех "поверхностных" уровней структуры, которые придают оригиналу и переводу типичный оттенок, делая каждое издание более родным для данного языка, хотя это преобразование наименее очевидное. Ниже приведенные слова только заменены в данном месте. В конечной формуле они обозначаются знаком /S/.

Страница украинского перевода

3 п'ішь
" за поясомь
" старий козарюга
6 п'ішь
14 у попи
23 Божий Чоловікъ
" низове товариство
24 Божий Чоловіче
27 старому Хмельницькому
30 понурий Шрамъ
31 пан'отче
" кобзарь
37 молодимъ Шраменямъ
41 дідусю
46 воронячому гнізді
47 людина
55 козаче
57 дитину
66 вельможний пане
70 Безумні глави !
81 Вкраїні
92 лицарь
94 на Степахъ
106 А Иванецъ? а Васюта?
107 пане ясновельможний
111 по-Запорозьки
113 Кирило Турь
114 ватажко
115 Низовець
116 братіку

Страница русского перевода

1 священникъ
" въ кобурахъ
" воинъ
3 старикъ
9 въ священники
15 бандуристъ
" козаки
16 батько
18 батьку Богдану
20 нетерпѣливый Шрамъ
21 добродѣй
" бандуристъ
28 Шрамовымъ орленкомъ
31 бгать
34 въ заточеніи
" душа
40 Петрусь
41 Лесю
46 пане полковникъ
48 Неблагодарныя твари!
53 Малоросси
66 Запорожець
67 на Запорожьи
73 А Васюта? а Иванецъ?
74 пане гетмане
76 по обычаю
77 Запорожець
78 Запорожець
79 Запорожець
" козаче

121	Кирило Турь	80	Запорожець
122	пане гетьмане	81	ясновельможный пане
127	зъ України	84	изъ Кїева
129	комишнику!	85	хлопець Запорожець
134	Леся	88	гетманская невѣста
135	Петрусь	89	онь
137	пане гетьмане	90	пане ясновельможный
138	братчиків	"	Запорожье
139	ледаще	"	братъ
"	пан'отець	91	батько
"	Городахъ	"	Украинь
140	Кирило Турь	"	Запорожець
"	по братчикахъ	"	по Запорожью
141	свою кралею	92	твою невѣсту
142	комишники	"	съчевые бурлаки
"	Сомко	"	гетмань
143	Кирило Турь	93	Запорожець
144	Кирило Тура	"	Запорожца
150	Кирило Турь	97	Съчевикъ
154	горда пані!матка	99	пышная пани Череваниха
"	ясная крале	"	неприступная крале
155	Петро	100	козак мой
158	Кирило Турь	102	Запорожець
"	молоде Шраменя	"	сынъ старого Шрама
160	Запорозці!	103	Отмичары
"	бранку	"	отмицу
"	изъ Кирилом Туромь	"	съ Запорожцемъ
161	Низовый розбишака	104	удалець
"	Запорожець	"	Кирило Турь
"	Иродова душа	"	подлый человекъ
"	Кирило Турь	"	Запорожець
162	Вражий Запорожець	105	Кирило Турь
164	кобзарь	106	Божій человекъ
168	изъ Запорожцем Туромь	107	съ Кириломъ Туромь
173	побратимъ	109	Кирило Турь
"	Петрусемъ	"	защитникомъ
176	старый батько	110	старый Шрамъ
"	за Вкраїну	"	за Украину
"	братчикомъ	111	товарищемъ
191	до Січовиківъ	118	къ Запорожцамъ
"	Вкраїні!	"	Украинь
192	попа	"	священника
193	карамзини	"	пани
197	Україну	121	Малороссію
206	пан'отцеві	125	Шраму
206	Вкраїну	"	гетманщину
210	Настусю, серденько!	128	Княгиня!
211	на Вкраїні!	"	на Украинь
213	слуги	130	охотники
215	Християнина	131	доброго человека
216	за Вкраїну	132	за Украину
220	Ляшка	134	вража Полька

220	княженецьки! замки	134	Волинські замки
"	Християнами	"	народомъ
222	добродію	136	пане отамане
"	Україні!	"	Україні
"	нашъ братъ	"	Съчевикъ
226	Січовий дідь	138	Запорожець
227	добродію	"	отамане
236	Кирило Туръ	142	Запорожець
243	мати	145	старушка
244	Низове пуганнє	"	дикій зовъ
250	Січовому дідові!	148	Запорожцу
252	сестра Кирилова	149	сестра Запорожца
265	за батька Хмельницького	153	при батьке Богдане
266	Гетьманщині!	153	Україні
267	Иванець	154	Бруховецькій
268	братчики	"	Запорожцы
284	козаче	162	братуку
285	на Україні!	"	на Україні
287	въ Городахъ	164	въ гетьманщині
"	зъ вашою Україною	"	съ вашою гетьманщиною
288	Січове	"	запорожское
297	кармазини	168	красные жупаны
302	отчизни	170	Украины
"	козацьку честь	"	честь отчизни
309	генерального писаря	174	Буякевича
323	Костомара	181	Горді
330	Иванець	185	Бруховецькій
338	князь	190	князь Гагинъ
340	Иванця	191	Бруховецького
343	на Україні!	193	въ Україні
345	Иванець	194	Бруховецькій
"	клятий	"	счастливый соперникъ
"	на Україну	"	въ Украину
346	Иванець	195	Бруховецький
347	Україна	"	отчизна
357	Низовці!	200	Запорожцы
362	зъ Запорозькихъ лапъ	203	изъ лапъ Иванця
364	Україна	204	гетьманщина
369	Бруховецький	205	новый гетьманъ
371	Иванець	206	Бруховецькій
371	братчики	207	Запорожцы
374	Україну	208	Украину
376	на Січі!	209	въ Запорожьи
377	у Городи	"	въ гетьманщину
"	на Україні!	"	въ гетьманщині
379	батьки	210	братцы
"	до Низу	211	изъ Нѣжина
"	Иванцеві!	"	Бруховецькому
380	Низове козацтво	"	Запорожцы
381	пане ясновельможний	212	пане гетьмане
382	Петро Сердюкъ	"	козакъ
383	Низовець	213	запорожець
"	Бруховецький	"	гетьманъ

401 Богъ
" по Лиману
" Кирило Туръ
404 побратима
417 яке Шраменя

221 Господь
" по Днѣпру
" Запорожець
223 Богданъ Черногоръ
228 какой-нибудь Петрусь

б/ Пропущенные и добавленные слова и фразы

Как указал Кулиш, в переводе есть места, которых нет в подленике и в подленике есть места не вошедшие в перевод. Под местами подразумеваются слова, фразы, предложения и отрывки.

Ниже приведены слова и фразы, сперва из украинского издания, не вошедшие в перевод, или другими словами, пропущенные в переводе, а затем слова и фразы, добавленные в переводе. Они содержат поясняющие слова, обращения, пояснения обычаев и невысказанных мыслей.

Слова и фразы не существующие в другом произведении, для ясности подчеркнуты.

В конечной формуле, не вошедшие в перевод места, обозначаются латинской буквой / m /, а добавленные места обозначаются буквой / a /.

В цитированных фразах встречаются слова, после которых стоит латинская буква / S /, обозначающая замену данного слова иным выражением.

Страницы украинского издания

- 24 "А що жь Сомко? хоть вінь и розумомь, и славою узявь надь усіма, да й ёму не дають гетьмановати."
- 49 "А чомь же не оддавь би, бгате? нехай нашимь ворогамь буде тяжко!"
- 65 "Де тоб! тихо, пане полковнику, чи пан'оче!... я вже не знаю, якь теперь тебе й величати,..."
- 101 Да погадавши такь, винявь изъ-за пазухи щирозлбтии обушбкь, що одбйвь колісь на войн! у Лядського пана, чи въ

недоляшка, да й повісивъ на ризі въ Богоматери.

- 111 И звелівъ одвітовати по-Запорозьки /S /: Козакъ зъ
Лугу! бо Запорозці здоровкались, мовъ хіже птаство на
стену.
- 112 "Скажі лүчче, сінку, були, да загули. Перевелись теперъ
рицарі въ Січі:
- 115 "Добули вражі діти; вернулись изъ добримъ мериномъ.
- 117 "Ужé жь, пане ясновельможний, не оста́вь твоєю ласкою и
мого побратима."
- 141 "Що ти дүмаешъ, сінку?"
- 176 Самко хотівъ положити въ такү колиску й Кирила Тура -
не пожадовавъ своєї саєтової опанчи...
- 190 "Ма́буть, що дармо", дүмае собі Шрамъ, "ма́буть не така
Бо́жа воля,..."
- 222 "Теперъ чор'зна явъ ста́ло на Вкраїні !" /S / каже, усé
такі за вікномъ, го́лосъ:
- 226 "Послу́хай, пане князю, ти менé, ста́рого Пугача", каже
поважно Січовий дідь. /S /
- 353 "А ми до мѣста. Тамъ, ка́жуть, è пожива!"
- 363 "Що про те пита́ти, чого́ не вернешъ?" ка́же Шрамъ. Проца́й!
намъ нѣколи."

Добавленные слова и фразы в русском издании являются более многочисленными и содержат поясняющие слова, восклицания, выражения чувств, прибаутки и пояснения обычаев.

Страницы русского издания

- 1 ...по одеждѣ и по длинной сѣдой бородѣ казался священ-
никомъ / S /, а по саблѣ, бренчавшей под рясою, по писто-
летамъ...воиномъ.
- 3 ...и поѣхали лѣсомъ, по извилистой дорогѣ, едва пробитой
между пнями.
- 3 Это Василь Невольникъ, сказала старикъ / S /, не глядя
на своего спутника.
- 3 ...это Паволочскій полковникъ Шрама !
- 3 ...отозвался угрюмо Шрама,
- 3 Охъ, не надѣялись мои старыя очи увидѣть еще разъ пана
Шрама! а вотъ и увидѣли... Охъ, Боже правый, Боже правый!
- 3 Вслѣдъ за тѣмъ застучалъ засовъ и отворились ворота.
- 5 И, отворивъ калитку въ пасажу, повелъ Василь Невольникъ
Шрама узкой тропинкой, подъ густыми вѣтвями деревь.
- 9 ... сложилъ съ себя "полковничій Урядъ", принялъ постри-
женіе въ священники / S /, и прильпился всею душою къ
церкви.
- 16 Слушая такой неутѣшительный рассказъ, нашъ Шрама и голову
повѣсилъ: стѣснили ему сердце эти новости.
- 18 Еще бы не знать чуръ Хмѣльницкого! отвѣчалъ за всѣхъ
Шрама, который слушалъ слова Божьяго Человѣка съ нетер-
пѣніемъ, и, казалось пожиралъ слова его.
- 20 Ну, что же изъ этого? спросилъ нетерпѣливый / S / Шрама,
между тѣмъ, какъ его губы дрожали отъ какой-то страшной
мысли.
- 20 отозвался самъ къ себѣ Василь Невольникъ.

- 31 Ну, полно, богатцы, полно объ этомъ, сказала Черевань
стараясь удалить отъ Шрама предметъ его безпокойства:
- 34 ... изъ самой Павлочи, изъ какого далека, ѣдутъ молиться
Богу?
- 34 ... когда бь не такая страшная даль. Подъ Нѣжином...
шутка?
- 36 Потомъ Шрамъ взялъ за руку сына, а Черевань дочь, и
свели ихъ вмѣстѣ, въ полной увѣренности, что и та и дру-
гая сторона согласны съ ихъ желаніями.
- 38 Старый Шрамъ велѣлъ сыну сѣдлатъ коней, и едва онъ съ
этимъ управился, какъ и Василь Невольникъ явился на дворъ
съ рыдваномъ.
- 40 Э, паннченьку! сказала безпечно Череваниха, ...
- 40 Улыбнулась гордая мать, и, какъ бы желая нѣсколько утѣшить
козака, сказала съ шутливою короткостью:
- 46 Чѣмъ же тебя потчивать, пане полковникъ / S /, "ой чи ме-
домъ, ой чи пивомъ, ой чи гор!лкою?"
- 50 За то жь ему Богъ далъ и такую золотую пани, говорили
некоторые, стараясь замазатъ прежня грубыя выходки противъ
карамазиновъ.
- 51 Какъ чего? прервалъ его Шрамъ, быстро повернувъ къ нему
суровое лицо:
- 51 Да врагъ ихъ возьми, богатъ, съ ихъ черною радю! пускай
себѣ затѣвають.
- 64 И вскочивъ на коня поспѣшили удалиться, чтобъ избежать
греха.
- 66 добрые молодцы только шутять; они забавляются вашимъ

страхомъ; они никогда не тронуть дѣвушки.

66 и онъ велѣли прибавить шагу, чтобъ скорѣй догнать передовыхъ своихъ защитниковъ, мало надѣясь на помощ дряхлаго возницы.

71 Провожавшіе его монахи и паны держались въ почтительномъ отдаленіи.

71 Увидя его, Шрамъ затрепеталъ отъ радости, и сказалъ:

76 Это нашъ кривой пріятель, Кирило Туръ ! Почуялъ гетманскую свадьбу!

76 ...Это народъ самый вѣроломный; городовому козаку надобно беречься их, какъ огня.

77 Онъ вошелъ въ свѣтлицу, не снимая шапки, подбоченился, и перекрививъ ротъ на одну сторону, смотрѣлъ насмѣшливо на Шрама.

78 Такъ чего жъ ты отъ меня хочешь, оса ты неотвязная? сказалъ Шрамъ, смягчившись этимъ знакомъ уваженія къ своимъ козацкимъ заслугамъ и къ священническому сану.

80 Шрама и Череваня посадилъ на покутъ, подъ образами; самъ сѣлъ на хозяйскомъ мѣстѣ, "конецъ стола", а женщинъ посадилъ по лѣвую отъ себя руку на ослонѣ, ибо тогда первня мѣста были вездѣ предоставлены мужчинамъ.

81 Такъ вы хотите знать, какъ я отсталъ отъ своей громады? продолжалъ Кирило Туръ, осуша самый большой кубокъ, какой только нашелъ передъ собою.

83 Ни больше ни меньше, какъ только подхвачу къ сѣбѣ на сѣдло эту кралю - хоть бы она была за сотнею замковъ-да и шукай вітра въ полі !

- 89 Онъ / S / тотчасъ послѣ обѣда, взявши ружье, отправился въ лѣсъ подѣ видомъ охоты, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ быть подальше отъ своей чаровницы.
- 92 Дякуемъ тебѣ, пане гетмане, отвѣчалъ низко поклонясь Запорожець / S /, и опорожнилъ въ отвѣтъ свой кубокъ.
- 93 За что это такая ласка? отвѣчалъ тотъ своимъ обычнымъ тономъ.
- 94 Козацкое солнце высоко поднялось надъ лѣсомъ, какъ бы для того, чтобъ поглядѣть на своихъ любимцевъ, безопасно покоящихся подѣ его сіяніемъ.
- 99 Развѣ у нея нѣтъ жениха, который долженъ охранять ея спокойствіе и честь?
- 99 Воображаю и тебя, неприступная / S / краля, когда эта шибай-голова замчитъ тебя между Черногорцевъ: тамъ женщины цѣлуютъ въ руку мужчинъ, а тѣ на нихъ даже взглянуть считаютъ милостью!
- 99 Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ они ее везутъ!" воскликнулъ мысленно Петро, примѣтя вдали всадниковъ, отъ которыхъ длинныя тѣни доставали по травѣ почти до куста, гдѣ онъ скрывался.
- 105 Я бѣ тебѣ скоро заткнулъ глотку, иродова душа, сказала раздосадованный Петро, - если бѣ не забылъ взять пистолетовъ !
- 110 Смотри уже, пане гетмане, за своимъ Запорожцемъ, а у Петра есть отецъ: онъ объ немъ позаботится.
- 113 Не говори мнѣ этого! вскричала Леся. Лучше разомъ разойтись, якъ чорни хмары, и не встрѣчаться до віку!
- 119 Ну, ужъ пустите, братцы, нечего дѣлать!

- 126 Просимъ до господы, дорогіе гости. Дайте я всѣхъ васъ
перецѣлюю. - Вы, черти! хамы негодные! оборотился онъ къ
толпѣ своихъ охотниковъ. / 5 /
- 129 И тебѣ отогрѣвать такую змѣю, Божій Чоловѣче! сказалъ
Шрамъ.
- 131 Я возжусь съ Запорожцами? Кто тебѣ это сказалъ?
- 133 Какъ описать, что дѣлалось на ту пору въ душѣ бѣдной
княгини, нѣкогда богатой и сильной, какъ царица, а
теперь одинокой и беззащитной, какъ невольница?
- 135 Пугу! раздалось подъ окномъ громче прежняго, и в фор-
точкѣ мелькнули чьи-то бѣлые усн.
- 162 Кирило Туръ сжалъ зубы, чтобъ не стонать, когда грубые
эскулапы отдирали ее отъ тѣла.
- 179 А почему жь, бгать, намъ не породниться хоть бы и съ
гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра?
- 181 Дорогу, дорогу пану осаулу нѣжинскому! кричали съ под-
нятыми вверхъ нагайками козаки.
- 185 Пробравшись немного впередъ, Гвинтовка и его спутники
опять были остановлены.
- 191 Эй, братцы, закричалъ онъ, полно! нѣтъ здѣсь нашихъ!
Мы посреди враговъ!
- 204 Прощай, не поминай насъ лихою.
- 210 За пустяки! такъ это у тебя теперь пустяки!
- 215 Я тотъ, отвѣчалъ страннымъ какимъ-то голосомъ незнако-
мецъ, кого тебѣ нужно.
- 220 Нѣтъ же, когда хочешь знать! воскликнулъ съ несвойствен-
нымъ ему увлеченіемъ Кирило Туръ,

- 221 Посто́й, бра́ть, я догадываюсь, что ты замыслишь.
- 221 Эхъ, пане мой, пане! / 5 / сказала Запорожець / 5 /
совсемъ другимъ противъ прежняго тономъ.
- 222 Запорожець, весело усмѣхавшійся, нахмурился и на мгнове́нїе призадумался.

Наряду с непереведенными словами и фразами оригинала, отсутствующими в переводе, или введенными в русском издании и потому отсутствующими в оригинале, есть предложения, в переводе которых встречаются иные изменения, т.е. вставленные и пропущенные слова и фразы, в одном и том же предложении.

Страницы украинского издания

Страницы русского издания

6	"Хто тамъ грукае, <u>наче</u>
<u>въ свої ворота?</u> " питае
Василь Невольникъ скрізь
в <u>кіонце.</u>	3	Кто тамъ стучить? спраши-
вали громче прежняго Ва-
силь Невольникъ, <u>высунувши</u>
въ оконце <u>голову.</u>
7	"Орель, а не козаць! каже
зновъ Василь Невольникъ.
"Що, якъ-би́ такихъ... Охъ
Боже правый! далась мені
та проклята неволя добре
знати, <u>не забуду еї до</u>
<u>віку !"</u>	4	Орель, а не козаць! про-
должалъ Василь Невольникъ.
<u>-Ну, пан'отче, наградили</u>
<u>тебя Господь сынкомъ!</u>
Что, коли бы́ хоть... Охъ,
Боже правый! <u>Боже правый!</u>
далась мнѣ та проклятая не-
воля добре знать! <u>кандалы</u>
<u>потерли руки и ноги, холод-</u>
<u>ное желъзо попроѣдало тѣло</u>
<u>до костей!</u>

- 13 Сиді́въ ві́нь з і́мовнико́мъ 9 Сидѣ́ль онѣ́ зимовникомъ,
середь дико́го стѣ́пу на то е́сть жилѣ́ хуторомѣ́,
Низу́, взя́вши собі́ за
жі́нку бра́нку Туркѣ́ню;
среди ди́кихъ степей въ
Низовья́хъ Днѣ́пра;
- 22 "Які́мъ же, бга́те, оцѣ́ 14 Ка́кимъ случае́мъ? по во́лѣ,
случа́емъ?" пита́е за́разъ или по нево́лѣ? спрашива́ль
Черевань. Шрама Черевань.
- 23 "Не ми́нї дяку́й за се, 15 Не мене́ благода́ри, Васи́ль,
Васи́лю", ка́же Бо́жий Чо- сказа́ль бандури́сть / S /,
лови́къ / S /: "дяку́й благода́ри того́, кто
Бо́говї́ да ще́ тому́, хто не поскупі́вся вы́нуть изъ га-
не поскупі́вся ви́кинуть мана́ сотню́ дукатовъ: онѣ́,
за те́бе съ че́реса со́тню а не я, вызво́диль те́бя
дукати́въ". изъ нево́ли!
- 29 А Шрама́ усе́ слухавъ 19 Но Шрама́ сказа́ль мрачно:
мо́вчки, да й ка́же пону́ро: -Что о́бъ это́мъ рассказы-
"Се все́ ми зна́емо."
вать? Все это́ мы давно
слы́шали.
- 54 "И е́сть, и нема́; и нема́ 39 И е́сть и нѣ́тъ, и нѣ́тъ и
и е́сть", ка́же смію́чись е́сть, отвѣ́чала Черевани-
Черевани́ха. ха, не обра́щая внима́нїя
на волне́нїе, съ кото́рымъ
говори́ль о́дний и́скатель.
- 95 "Тако́ї, бга́те! Неха́й не 68 Тако́и. Пуска́й не даро́мъ
ду́рно запро́шувавъ ти за́зывавъ ты мене́ къ сво́имъ
мене́ до сво́ихъ, во́єва́ти воева́ть Турка́. Ко́ли хочешъ,
Ту́рка. Ко́ли хочъ, ухопи́- схвати́мъ, ка́къ говори́ть

- мо дівойку, та й гайда
въ Чорну Гору!"
- 102 Изъ Великої церкві повер- 71 Изъ великой церкви направи-
нули наши прочане до нлись они кѣ пещерамъ, гдѣ
пещеръ; почивають моци Антонія, Фе-
досія, Нестора Лѣтописца и
другихъ великихъ подвижни-
ковъ южно-русскаго правос-
лавія.
- 121 Запоріжець / 5 / при- 80 Возлѣ Череваня заняли мѣста
мости́всь на заднѣму спутники гетмана, козацкіе
конці стола изъ своі́мь старшинн, а за ними - Кирило
побратимомъ. Туръ / 5 / съ молчаливымъ
своимъ побратимомъ, который
посматриваль довольно угрю-
мо на всѣхъ собесѣдниковъ.
- 122 "Самимъ святимъ, пане 81 Самымъ святымъ, отвѣчалъ
ясновельможний", одвѣ- тотъ / 5 /, какой только ког-
товавъ Запоріжець / 5 /: да-либо дулъ "изъ низу Днѣпра".
"провожаемъ прощальника Провожаемъ прощальника къ
до Міжигорськоно Спаса". "Межигорскому Спасу".
- 131 Зъ Ляхами въ козаківъ во 86 Съ Поляками у насъ во вѣки
віки вѣчні ладу не буде. вѣчные ладу не будетъ. Безъ
Чи гараздъ, чм не гараздъ, Москаля нѣтъ намъ житья на
а зъ Москалемъ намъ треба свѣтъ: Ляхи, Турки, Татаре
у-купі жити. истребятъ, перевернутъ насъ
батьку!" къ верху дномъ.

- 161 Тимъ часомъ, якъ Ни- 104 Между тѣмъ какъ этотъ уда-
зовій розбишака / S /
мізковавъ про рицарсь-
ку славу, Петро мчавсь
на ёго съ шаблею. Уже
близько.
- 173 ... загулила ёму хуст- 109 Она закрыла платкомъ глибо-
кою глибоку рану, а
самá такъ и впала на
ёго; плаче, голосить,
серденькомъ називае.
- 174 Лучче бѣ мині до вѣку 101 Когда я гнался за тобою,
не женитись, нїжь отсе́
бáчить тебѣ безъ па-
мяти и гласу!
- 213 "Інший", каже, "пан' 130 Не дивись этому, батько,
отче, теперъ часъ,
інші звичаї.
- 227 "Прбсимо жѣ до насъ 138 Просимъ же до насъ на ве-
на вечеру. Не погор-
дуй уступити до нашої
простацкої господи.
- Между тѣмъ какъ этотъ уда-
лецъ / S /, действуя по
разбойничьи, мечталь о ры-
царской славы /что впрочемъ
водилось и въ нѣмецкомъ ры-
царствѣ/, Петро летѣль на
него съ обнаженной саблею.
Она закрыла платкомъ глибо-
кую его рану, пала къ нему
на грудь, и рыдала, какъ
по мертвомъ.
- Когда я гнался за тобою,
я радъ бы былъ растерзать
тебя на части, а теперь
лучше бы мнѣ никогда не же-
ниться, чѣмъ видѣть тебя
безъ памяти!
- Не дивись этому, батько,
отвѣчаль Гвинтовка; инья
теперь времена, иные обычаи.
- Просимъ же до насъ на ве-
черю, просимъ до нашей
простацкой господы! и мы
сумѣемъ угостить тебя такъ,
что не будешь голодень.

- 284 Не дурно ми вчѣра зѣ 162 Не даромъ мы вчера съ Ива-
Иваномъ Мартыновичемъ номъ Мартыновичемъ встрѣтили...
стрѣчали царскихъ кого нужно встрѣтить... и не
бояръ, а уже стрѣчали съ пустыми руками.
ми ихъ не съ порожними
руками.
- 302 "эгѣ!" одвітує Білозѣ- 170 Ага! пришла трудная минута;
рець, крута година нужно было попать ногами
наступила. всякую гордость.
- 357 "А за нимъ Низовці / S /, 200 а за ними, то приближаясь,
охлапъ на мѣщанскихъ то отдаваясь, то забываясь съ
коняхъ, женутця якъ боку, гонятся на мѣщанскихъ
шляки. лошадей безъ сѣделъ Запо-
рожцы; / S /

в/ Пропущенные и добавленные предложения

В этом разделе будут приведены предложения сперва из украинского издания, которые не вошли в творческий перевод на русский язык; а потом предложения добавленные в русском издании и поэтому отсутствующие в украинском тексте.

Непереведенные и добавленные предложения характеризуют главных действующих лиц романа: Кирила Тура, Шрама и его сына Петра, Сомка, Череваня, Гвинтовку и княгиню, Бруховецкого, Пугача, Божьего Человека и второстепенных лиц, которые дают представление о народе и его поведении.

Это изменение по своему значению занимает большое место и влияет на каждое издание и в конечной формуле обозначится латинской буквой / m / для пропусков и буквой / a / для добавлений. Количество, вставленных в русское издание, предложений во много раз превышает количество предложений, отсутствующих в украинском издании.

Ниже приведены предложения из украинского издания, пропущенные в русском. Из них три предложения принадлежат Кирилу Туру. Первое сравнивает Петра со старым Шрамом, стр. 158:

Пішло по батькові, якь орля по орлові.

Второе передает успокаивающие слова Кирила матери и сестре, стр. 290:

"Ба́чте?" ка́же, "я вамь каза́вь, що нічого жу́рїтись!
Та вже, ма́буць, вась такь Бо́гь созда́вь, щобь усє
кїснути."

Третье, относится к сторожам Сомка после победы Бруховецкого, стр. 393:

"А се щò? каже ёму потіху Кири́ло Ту́рь, показуючи на
руці пёрстень.

Следующие несколько предложений принадлежат Шраму. Первое
передает разговор Шрама с Василием Невольником о присутствии
бандуриста в доме Череваня, стр. 19:

"Э, да се въ васъ и банду́ра!" "И банду́ра", каже Васи́ль
Нево́льникъ," та ще чия́ банду́ра!"

Второе предложение сказано им по адресу Запорожцев, которых
он недооценивал, находя буйными и излишним элементом, стр. 89:

Ту́рь їмъ изъ їхъ ско́ками! Пої́дьмо боржі́й у Печѣрський,
ато не застанемъ на слѹ́жбу.

Третье содержит нравоучение Сомку не быть слишком самоуверен-
ным, стр. 189:

"Тогді́ ска́жешъ го́пъ, якъ переско́чишь.

В четвертом он высказывает чувства патриота, охотно жертвую-
щего всем личным для блага страны, стр. 303:

А Шра́мъ ёму: "Якъ тре́ба рятова́ти Украї́ну, байдуже
мині́ и лі́та й ра́ни.

Пятое показывает его удрученное состояние после провала рады,
стр. 364:

Ска́жуть, ма́буть шві́дко й усі́ ами́нь.

В последнем дана характеристика Шраму автором, стр. 14:

Си́на поси́лавъ до вї́сько́вого обо́зу, а самъ зна́въ
одну́ це́ркву.

Говоря о Петре, автор употребляет в первом предложении
личное обращение, подчеркивая свое расположение к этому герою,
стр. 53:

Не зна́ю вже, яко во́-то ёму́ по́слї́ того́ свѣ́тання ста́лось.

Сцена похищения Леси содержит восклицание отчаяния Петра, стр. 155 :

Проклятий! мчить, якъ вовкъ овечку!

Выражение задушевной мысли Петра, стр. 233:

А Боже мій милий! якъ би то й назвати тее щасте,
щобъ жити зъ нею въ парі, якъ голубъ изъ голубкою!

Изображая встречу Петра с Лесей, автор, при переводе, пропускает предложение на стр. 413:

А Петро, якъ ускочивъ у хату, то й ставъ у порога,
якъ укопаний. А Лєся якъ сиділа на ослоні, коло стола,
то такъ и осталась, и зъ міста не зворухнетця.

Следующие три предложения принадлежат Сомку. В первом Сомко говорит приветственные слова Леси, стр. 103:

"Давно ми", каже, "не бачились за військовими чварами,
да ось немовъ Господь насъ изведе на-віки до-купи."

В другом он произносит приговор виновным, воображаемый в случае своей победы, стр. 107:

Запорозцівъ тогді я здавлю якъ макуху, гетьмана їх
поверну въ свинопаси, а дурну чернь навчу шанувати
гетьманську зверхность!

В третьем Сомко дает характеристику запорожцам, стр. 107:

У їхъ, що ватажокъ, то й гетьманъ.

Не вошли еще в русское издание четыре предложения относящиеся к Череваню. В первом он употребляет свою постоянную поговорку, стр. 49:

"нехай нашимъ ворогамъ буде тяжко!

Второе говорит нам о полной Череваневой уверенности в том, что ничего плохого ему, а ни его хутору Хмарищу не сделается, стр. 320:

и поки стоятимо на магістраті башта зъ дзигарами,
поті ніхто не скаже, що Черевань не по праву занявъ
Хмарище. За готові Лядські дукати купиць я ёго въ
магістрата, и всяке знае, що за ті дукати збудовано
магістратську башту.

Третье выражает удивление по поводу цвета лент на рукаве, стр. 334:

"у насъ червоні, а тутъ - дивісь - усé блакитні!"

И выражение сочувствия и участи Сомку после неудачной рады,
стр. 364:

А бідолаха Сомко! що то вінъ теперь!

Несмотря на свою наивность, Черевань добродушный колосс.
На сколько образ Череваня нарисован автором положительно,
настолько образ Гвинтовки нарисован отрицательно. Следующие
два предложения принадлежат Гвинтовке. Одно дает пример нетак-
тичного поведения Гвинтовки, стр. 217:

Такъ вигукувавъ осауль полковій Гвинтовка: хотівъ
притьмомъ довести передъ Шрамомъ, що въ ёго жінка
все одно, що служёбка, хоть-бі вона була сто разъ
княгиня.

Второе - острое распоряжение, данное сестре, быть готовой к
приему гостей, стр. 327:

Гвинтовка, обернувшись, тільки сказавъ: "Гледи жь,
сестро, - ти въ мене теперь господиня - щобъ дово-
лі було всячини на вечеру; бо я вернусь изъ ради
не безъ гостей."

В тоне автора слышится сожаление, когда он говорит о
бедной княгине, униженной грубияном Гвинтовкой. Рисуя картину
выхоленных рук княгини, автор говорит на стр. 218:

Чи на те жь то вони вікохані, віпестовані, щобъ
покинувши високі князькі замки, застилати стіль
козаківі?

Другое выражает прискорбную картину встречи княгини с гостями,
стр. 249:

А та безталанна, за слізми и світу Божого не бачить,
и слова не промовить.

Образ Бруховецкого в изображении Кулиша подчеркнут на
стр. 267:

А вінь, мовь би нічого й не чьє - идє собі смиреннь-
ко, згѣрбившись.

Одно предложение, относящееся к характеристике Пугача,
тоже отсутствует в русском тексте, стр. 226:

Старій Пугачь ні для ко́го въ свѣті́ душею не покривить.

Из мест характеризующих второстепенных действующих лиц,
можно найти в числе выпущенных предложений пояснение автора к
сценке с Тарасом Сурмачем на крестинах, стр. 66:

Не таківський же бувь и Тарась, щобь угомонівсь
одь разу.

или поговорка, кинутая козаком из толпы, стр. 72:

Налетять зозулі, що насъ не забули...

В другой встрече Шрама с народом, голос из толпы произнес,
стр. 194:

Не обороніли бь ёго й позлотісти! цяцькі, що дурні!
Ляхі повимудровували!

Предложение из трагикомической сценки между ковалем и его
женой, стр. 205:

А вона бігає кругь Шрамового коня да ще більшь
ёго дратує.

И, наконец, предложение с пояснением Кулиша поведения военно-
вого писаря Сомка, стр. 310:

А військовий пісарь, хоть и чувь, да не озиравьсь.
Вінь своё козакамь провадивь.

Предложения вставленные в русском издании более многочис-
лены и относятся к тем же самым лицам. Начиная с Кирила Тура,
встречается предложение, касающееся случая с Лесей, в котором
Кирилу усердно помогал его побратим Богдан Черногор, о котором
автор добавляет следующее, стр. 80:

Взоръ его развеселялся только при взглядѣ на чернобровую красавицу, которой ничего подобнаго не встрѣчалъ онъ и въ своей Черногоріи.

Восхищение Кирила красотой Леси выражается в словах на стр. 83:

Самъ, пане гетмане, видишь, что за пышная красота!
по неволѣ за сердце хватаетъ!

В другом автор делает свои комментарии насчет поведения Кирила Тура, стр. 84:

И для ясности разсказа Кирило Туръ опрокинулъ себѣ въ горло кубокъ наливки.

Следующее пояснение автор делает к кличу Запорожцев "пугу", стр. 76:

пугу! восклицаніе, перенятое полудикими рыцарями Запорожцами у пугача /филина/, и употребляемое ими для извѣщенія кого-нибудь о своемъ прибытіи.

А так же раскрывает поведение Запорожцев вообще и поведение Кирила Тура в частности, по словам гетмана Сомка, стр. 77:

А ужъ на шутки да на баландрасы, такъ могу сказать, что мастеръ.

Дальнейшие два предложения тоже указывают на необычное поведение Запорожцев, стр. 78 и 93:

Сомко и его спутники смѣялись отъ одного появленія Кирила Тура. На него привыкли смотрѣть, какъ на кривого.

Безъ кривости ему не ѣстся и не спится.

Обращаясь к своему побратиму, Кирило Туръ говорит о предстоящем поединке с Петром, стр. 103:

Ты увидишь сегодня такой поединокъ, что перестанешь выхвалять своихъ черногорскихъ юнаковъ.

Ожидая Петра на тот же поединок, Кирило воскликнул, стр. 103:

Пускай перепрыгнетъ черезъ этотъ ровчакъ, тогда я готовъ съ нимъ рубиться, хоть до страшнаго суда.

Дальше Кирило Турь, вспоминая 'хороший' народный обычай в Черногорье, жалеет об отсутствии шинка, стр. 107:

Жаль, что далеко до шинка, а то бь и мы сдѣлали такъ, какъ ты рассказывалъ про ваши юнацкѣ поединки, - стукнули бь сперва по доброй чаркѣ, поговорили, пошутковали и начали бь смертный бой, какъ веселый танецъ..

Упрекаемый Петром в неблагодарности гетману за его угощения, Кирило высказывает свой взгляд на эти вещи, стр. 104:

Олухи вы царя небеснаго! Подумали бы вы сперва, кто тотъ огородъ засадилъ всякою всячиною на потребу чловѣка?

Уместны слова, сказанные сокрушенной матерью о своем сыне, как и всякой матерью, стр. 149:

Куда они его помчали, моего ясного сокола! говорила бѣдная мать, ломая руки.

После наказания, полученного Кириллом за любовные похождения, он говорит, стр. 163:

У меня въ спинѣ как-будто сто чертей сидить.

Поучения Шрама ясно видны из предложения, вставленного в русском издании, стр. 11:

Нужна вамъ теперъ не такъ рука, какъ голова, да такая голова, чтобъ знала прежнее и смекала о будущемъ.

Так же виден его взгляд на Москву, стр. 86:

Одинъ Москаль сбережетъ намъ и имя русское, и вѣру православную.

В разговоре с Череванем на вопрос: "По волѣ, или неволѣ", приехал к ним Шрамъ, онъ отвечает, стр. 14:

Слава Богу, по волѣ, отвѣчалъ Шрамъ: - прошли тѣ проклятыя времена, когда нашимъ братомъ козакомъ помыкали вельможные пьяницы.

Шрам священник, что не мешает ему носить под рясой шпагу и пистолет за поясом. Очевидно, он религиозен и слова из Библии

и Святых писаний у него на устах во всякое время. Одно из таких мест встречается при стычке Шрама с Тарасом Сурмачем. После первого изречения, сказанного по старо-славянски и введенного в обоих изданиях, следуют слова введенные только в русском тексте, стр. 50:

Потом вздохнул еще разъ и продолжалъ утѣшать себя словами Царя-пророка: - Богъ намъ прибѣжище и сила... сего ради не убоимся, внегда смущается земля и преллагаются горы въ сердца морская.

Всякое дело, начинаемое христианами в романе Черная Рада, начинается с посещения церкви, так начинается и поход Шрама за воссоединение Украины, стр. 52:

Вотъ и церковь божія! сказалъ Шрамъ, останавливая коня у колокольни.

Примером печали Шрама за общественные дела и радости при появлении надежды может служить предложение на стр. 74:

Въ Кіевѣ я сегодня наслушался такого, что и пьяный бы отрезвился.

В разговоре с Сомком луч надежды озаряет Шрама, стр. 74:

Я готовъ вѣрить всему лучшему, когда ты такъ спокоенъ, сказалъ Шрамъ.

В романе выведено еще одно побочное лицо, Белозерский. В разговоре Белозерского с Шрамом, оба беспокоятся благополучным исходом дела и печалются неудачами, стр. 169:

А что? - Да что? Не ты бы спрашивалъ, не я бы рассказывалъ!

Шрам отрицательно относится к Запорожцам и их 'выбрыкам', но и у него была возможность убедиться в их ловкости, желании помочь козакам. В освобождении Шрама от Ляхов Запорожцами, вставлены два предложения, стр. 78. Первое, вопрос гетмана:

Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ гетманъ, - какъ ты, пан'отче, остался живъ безъ коня.

Во второмъ переданы слова спасающаго Запорожца, стр. 78:

Жаль покинуть такого козака Ляхамъ на поживу.

Для характеристики Петра введены в русское издание следующие предложения: одно поясняет душевное состояние Петра перед похищением Леси, стр. 89:

Его душа разрывалась на двое: одна сила тянула его къ гордой красавицѣ, а другая заставляла бѣжать отъ нея, какъ отъ чего-то пагубнаго.

Другое говорит о размышлениях Петра после ее похищения, стр. 100:

Тутъ только пришло ему въ умъ, какую роль могла сыграть ворожка, за которою Череваниха простодушно посылала Василя Невольника...

следующее - после его продолжительной болезни, стр. 113:

Развѣ я врагъ тебѣ? Или я тебѣ опротивѣлъ въ долгой болѣзни? За чѣмъ ты отъ меня убѣгаешь?

Дальнейшие два предложения поясняют действия, предшествовавшие поединку с Кирилом Туром. В ответ на грубые насмешки соперника, автор так защищает своего героя, стр. 104:

Петро и безъ его совѣта намѣренъ быть это сдѣлать.

Личные убеждения Петра не позволяют ему бороться с противником без предупреждения, стр. 106:

Пускай же насъ Богъ разсудитъ, а меня проститъ, что поднимаю руку на челоуѣка, который только что спасъ меня отъ смерти!

Дальше автор поясняет нравы тех времен спать под открытым небом, применяя их к Петру, стр. 38:

Въ тѣ времена простоты нравовъ это быть самый лучшій ночлегъ для молодого козака.

И последнее предложение в отношении к Петру придает полноту событиям, предшествующим совету, стр. 183:

Сегодня рада? спросил удивленный Петро. Какъ же она можетъ состояться безъ гетмана Сомка и Васюты нѣжинского?

Любовь Сомка к Лесе холодная, его похвалы относятся к ее красоте, а не к человеку, стр. 72:

Ну нечего сказать, обратился онъ къ отцу и матери, держа Лесю за руку, - не даромъ молва о вашей "кралѣ" ходитъ по всей гетманщинѣ. Божусь, чѣмъ хотите, что лучшей дѣвушки не было и не будетъ въ Украинѣ!

Его не очень трогает похищение невесты, но опасное положение Кирила, в его глазах заслуженного человека, заставляет забыть все в одну минуту, стр. 110:

Опасное положеніе Запорожца изгнало изъ его сердца всякое злобное противъ него чувство.

Когда же Сомко получает плохие вести о положении дел, они сравниваются с молнией с чистого неба, стр. 115:

Скорѣ ждаль бы я молніи съ чистого неба, чѣмъ такой вѣсти!

Безвыходное положение Сомка поясняется следующими словами в разговоре между Кирилом Туром и Сомком в его тюрьме-подвале, стр. 220:

-Но какъ уйти, когда вокругъ сторожа?
-Эхъ, и ты разумная голова! Только надѣнь эту зашептанную видлогу, то пройдешь сквозь огонь и воду, не то сквозь стражу!

В решительную минуту Сомко не кладет большой надежды на колдовство Кирила и не хочет искупать своей жизни за счет жизни другого, стр. 221:

Что ты мнѣ ни толкуй о своемъ характерствѣ, а я хорошо знаю, что только ножи Иванцовыхъ палачей выпустятъ тебя на волю.

В русском издании есть два вставленных предложения о простодушном Череване. Чуть было не состоявшееся сватовство Леси и

Петра происходит тоже из-за его добродушия. На вопрос Шрама, не отдал ли бы Черевань за Петра своей Деси, тот отвечает, стр. 35:

А почему жь не отдать, бгате? Разве ты не Шрамъ, а я не Черевань?

Второе предложение вставлено в разговоре Череваня с Гвинтовкой, где он обвиняет Гвинтовку в личных выгодах, стр. 129:

Такъ что жь, коли тебѣ бѣлое лицо да черныя брови дороже широй души украинской?

Гвинтовка проявляет свою грубость охотнее всего над беззащитной женщиной, стр. 132:

Не для того взялъ я за себя бѣлорукую, высокоименитую, пышную Польку, чтобъ держать для нея полонъ домъ слугъ: сама моетъ мнѣ сорочки и варитъ вареники.

Сцены в доме Гвинтовки были повседневным явлением. Он их спокойно называл комедиями, стр. 133:

Не разъ и не два игралась у насъ такая комедія.

После одной из сцен Гвинтовка делает приятную мину, стр. 130:

Потомъ онъ очень привѣтливо перецѣловался съ своими гостями и повелъ ихъ въ свѣтлицу.

Он несправедлив к неимеющим власти, стр. 130:

Скорѣй я назову добрымъ лысаго дидька, нежели этихъ проклятыхъ салогубовъ.

Он не признает прав других, и свое неудовольствие Запорожцами

Гвинтовка выражает следующими добавленными словами, стр. 131:

А покажись въ магистратъ, такъ заразъ достанутъ изъ-подъ кади залѣсневлый шпаргалъ, да и суютъ въ глаза старшинъ: вотъ, дескать, наше старосвѣтское право! А кто ихъ такъ разшевелилъ? все проклятые Низовцы!

Своих же гостей он принимает подобострастно, но без сердечности, стр. 132:

Послѣ дороги вамъ прежде всего нужно подкрѣпиться, да и вечерняя пора на дворѣ.

Для полнейшего изображения образа Бруховецкого, Кулиш вставляет в русское издание три предложения. Ставши гетманом, Бруховецкий наслаждается своей властью и, издеваясь над Сомком, спрашивает, стр. 194:

Что ты теперь, вельможный безбулавный гетманъ, намъ скажешь?

Внезапно вошедший незнакомец пугает, погруженного в размышления о расправе с соперником Бруховецкого, который восклицает, стр. 215:

Духъ Святой съ нами! вскрикнулъ гетманъ. /Ему Богъ знаетъ, что показалось/.

В разговоре с незнакомцем Бруховецкий отдает свой перстень для свободного прохода в темницу, говоря, стр. 216:

Я даю его своимъ козакамъ только въ самыя важныя случаяхъ.

Картины столкновения Шрама с народом рисует Кулиш добавочными предложениями во встрече с ковалем и его женой, стр. 124:

Но она явно чувствовала превосходство своей ловкости въ этой игрѣ:

Другое в этом же эпизоде, стр. 124:

Осталь началъ было уже ослабѣвать, но эта пѣсня вдохнула въ него новыя силы.

Третье из того же эпизода, стр. 125:

Для степенного Украинца великой стыдъ забыться въ присутствіи такой особы,...

Поясняя действия жены коваля, автор говорит, стр. 125:

Но та, видно, часто разыгрывала съ нимъ подобныя сцены.

Комментарии автора в русском издании многочисленны в разных обстоятельствах. Так, например, когда в доме Череваня были

гости, автор находит нужным пояснить обычай особенного уважения к гостям, когда прислуживает дочь хозяина, стр. 35:

Это была самая высокая честь въ старинномъ гостепрѣимствѣ.

Сцена сватовства в доме Череваня так же заслуживает особого пояснения, стр. 37:

Прочіе также выражали ожиданіе, чѣмъ это кончится, а молодые стояли, потупя глаза.

Холодные чувства Сомка к Леси поясняются автором так, стр. 88:

Только Сомко спокойно ждалъ, пока исполнятся Лесѣ двѣичьи лѣта, - его увлекали болѣе строгія заботы; а у дочери съ матерью только было и бесѣды, что про жениха.

Размышления Шрама по поводу роли, играемой наставниками Бруховецкого отмечаются автором, стр. 121:

Шраму не трудно было догадаться, къ чему онъ клонить дѣло и для кого онъ работаетъ. Запорожцы вездѣ раскинули свои сѣти на уловленіе простодушной черни.

Неожиданное появление Петра после всех волнений заслуживает добавочное предложение, стр. 226:

А Леся, увидя неожиданно передъ собой своего возлюбленного, не могла произнести ни слова.

При встрече Шрамового обоза с народом автор добавляет, стр. 45:

Онъ узналъ Петра и отпустилъ ему на счетъ отца мѣщанскую похвальную прибаутку.

Рисуя казаков, в сцене прощания одного из них со 'светом' и заинтересованностью ими бурсаков, автор добавляет, стр. 62:

И рисовались передъ ихъ завистливыми взглядами на своихъ полудикихъ коняхъ.

Отношение богомольцев к приношениям отмечается следующими словами, стр. 70:

Черевань и прочіе богомольцы, также сдѣлали приношеніе храму дорогими вещами или деньгами.

Изображение природы заслуживает особенного внимания автора,
стр. 130:

Солнце как-будто для того и спустилось къ самому
лѣсу, чтобъ еще больше нарисовать ихъ толстыя морды.

Анархические порядки в лагере Запорожцев подчеркиваются ав-
тором, стр. 164:

По видимому, у сѣчевыхъ братчиковъ не было никакого
порядка, ни законовъ, между тѣмъ какъ, подъ наруж-
ною беспорядочностью, ихъ странный ордеъ скрываетъ
систематическiя и дальновидныя учрежденiя.

Короткое посещение Шрама у Белозерца заслуживает добавления,
стр. 171:

Однакожь онъ не долго оставался у Бѣлозерца и лишь
только усталость отъ продолжительной ѣзды прошла,
тотчасъ сѣлъ съ своимъ прiателемъ на коней и пос-
какалъ по Иченской дорогѣ.

Лирическое отступление автора, выраженное мыслями Шрама по
поводу разныхъ тяжелыхъ обстоятельствъ жизни, выражено так,
стр. 176:

Какъ тяжело отцу, когда, не дай Боже, удастся
разбойникъ-сынъ;... Тяжело, тяжело управлять народомъ!
не завидую я ни одному царю во всемъ свѣтѣ.

Сборы к Раде и происшествия, последовавшие непосредственно ее
концу заслужили многократныхъ добавлений, стр. 185:

Рѣшили, чтобъ старшина собралась избирать гетмана
въ патеръ, а чернь чтобъ сама по себѣ избирала,
кого пожелаетъ.

Слова неизвестного Запорожца поясняютъ положение дел, стр. 187:

Э, козаче! воскликнулъ онъ, указавъ на голубую ленту
Петра; такъ это ты только ума вывѣдываешь! Не успелъ
Петро собраться съ ответомъ, какъ ихъ опять разлучили.

Восстановить порядокъ для какой-нибудь партии было чрезвычайно
трудно, стр. 193:

Не легко было это сделать, потому что некоторые казаки остались на радѣ, другіе замѣшались не въ свои сотни.

Непонятные действия войск вызывали еще большую суматоху,

стр. 197:

Поклонъ сотенъ Сомковыхъ Бруховецкому показался имъ началомъ сраженія, и многіе постарались заблаговременно обезопасить себя бѣгствомъ.

Разные поведения казаков находят выражение на стр. 198:

Веселость ихъ въ такую смутную годину, звонъ музыки, топотъ танцевъ и радостные припѣвы заставляли Петра и Череваня еще сильнѣе чувствовать горечь.

Два предложения поясняют изменения произошедшие на поле, стр. 200:

Еще не все поле очистилось отъ поселенъ, какъ сцена на немъ опять переимѣнилась.

Мѣсто, гдѣ происходила рада, сдѣлалось теперь позорищемъ безчеловѣчнаго убійства и грабительства.

Поведение Гвинтовки после Рады отмечается вставленным предложением, стр. 202:

Есть слухъ, что хочетъ переженить и всѣхъ своихъ бурлакъ на панянкахъ.

Добавлено к состоянию Бруховецкого после победы чувство, выраженное следующим образом, стр. 213:

Долго стоялъ онъ на одномъ мѣсте, наконецъ началъ ходить неровными шагами по свѣтлицѣ и разсуждать почти въ слухъ:

Последние три предложения принадлежат характеристике Божьего Человека. Первое загадочное предложение к началу неполадков между Сомком и Бруховецким, стр. 18:

-Отвѣсил соли, да себѣ въ убытокъ. - Какъ такъ?

Следующее - опять разговор между Шрамом и Божьим Человеком,

стр. 126:

- Ты жь не сама держала лодку?
- Нет по всей связи она лодка.
В конце книги, в прощальной сцене с Бокши Чуловном, русское
издание имеет добавочное предложение, стр. 230:
Василь Невольникъ проводилъ его до сапогъ Павловиче-
вой лодки.

г/ Пропущенные и добавленные отрывки

Позволяя себе задержать в украинском тексте отдельные отрывки и не включить их в русское издание, или в другом месте вставить в русский текст данный отрывок, не взирая на то, что его нет в украинском тексте, Кулиш делает этим два различных произведения. Это явление можно выявить тоже только при сравнении, так как читая Черную Радугу на украинском и русском языках, в них действительно ощущается душа этого народа. Только сравнивая эти два произведения слово в слово станет ясно, что только таким способом, который употребил Кулиш, он мог достичь своей цели и создать два произведения интересные для чтения, как для украинского, так и для русского читателя.

В этом разделе будут приведены сперва отрывки пропущенные в русском издании, а затем отрывки вставленные в русском издании и отсутствующие в украинском издании. В конечной формуле пропущенные отрывки отметятся латинской буквой / m /, а вставленные отрывки буквой / a /.

Первый отрывок говорит читателю о жалобной песне, спетой старцем-кобзарем о временах Богдана Хмельницкого, стр. 20:

Теперъ вѣнь распочавъ смутную думу про Хмельницкого,
якъ умиравъ козацкий батько:

"Ой настала жаль-туга да по всій Україні..."
Не одинъ козакъ гѣрко плакавъ одъ сїї думи, а Череванъ тѣлько похитувавсь, гладючи черево; а щокі -
якъ кавуні: смѣявсь одъ широго сѣрця. Така була въ
ѣго вдача.

Следующий отрывок рисует картину жизни Запорожца дома, до того, как он задумал идти в монастырь спасти свою душу,

стр. 87:

Дома въ себе вони, кажѹ, ходять було у дѣгтянихъ сорочкахъ да въ дирявихъ кожухахъ-кажанкахъ, а тутъ повбѣрались у такі жупани, що хоть-би й гетьманові, - и все, щобъ тѣлько показати перѣдъ миромъ, що Запорозцю ти! сукна й блаватаси все одно, що й сермяга. Заразь, чи калюжу вбачить де на дорозі, такъ у калюжу й лѣзе въ кармазинахъ; чи ширѣтвась дѣгтя зуздрить, такъ и вскочить туди зъ сапьянцями. Химерний дуже бувъ народъ!

Остался непереуведеннымъ отрывокъ, показывающий переживания Петра после своего неудачного сватовства, стр. 103:

Теперь уже ничего было думать про Лѣсю Петрові. Хоть вінъ бувъ и значний козакъ, да не противъ гетьмана; хоть вінъ бувъ внакъ уродливий, да не противъ Сомка. "Сомко бувъ воінъ уроди, возраста и красоти зѣло дивно!" /пишуть у літописяхъ/, бувъ високий, огрядний собі пань, кругловидий, русявий; голова въ кучеряхъ, якъ у золотому вінку; очі ясні, веселі якъ зори; и вже чи ступить, чи заговорить, то справді по-гетьманськи. Такъ куди вже изъ нимъ мѣряться Петрові!

Выше приведенную цитату можно было бы так же хорошо поставить в разделе 'персонажей', но она в то же время подходит для выявления душевного состояния Петра. Второй отрывок, выражающий сочувствие автора к переживаниям Петра, очень характерен теплотой выражений, стр. 234:

Такъ-то вже тому бѣдному козакові любощи очі затуманили, що здавалось, тѣлько тамъ, де вона, и сонце сияє, и Божий миръ красенъ; а безъ неі усюди тьма и пустиня.

Несколько отрывков посвящены эпизоду поединка Кирила Тура с Петром и действиям последующим ему. Первый из них говорит о начале поединка и воинственном настроении Кирила, стр. 165:

"Не йме віри вразьке Шраменя!" каже Кирило Турь.
"Щобъ же я на Страшний Судъ не вставъ, коли ти до
!! доторкнесся, поки въ мене голова на плечахъ!
Буде съ тебе, чи, може вкроіть тобі жупана?"

Второй, выражает сочувствие Петру после трагического сражения, стр. 175:

А Сомку небайдуже було й про Петра. Упоравшись коло Запорозця, кинувсь и сюди. "Що пань Петро? чи єсть надія?" питає въ Шрама. Возьміть мою опанчу да припніть міждо коней."

Следующих два касаются времени после выздоровления Кирила и его сетование на мать и на сестру за их навязчивость, стр. 238:

Колибъ не Божий Чоловѣкъ, то довелось би зъ нудьги пропасти міжъ плаксѣвимъ бабствомъ. Той, спасибі ёму, розважить такі инколи дѹшу козацькою піснею, та й на Божий мѣръ дѣвитця по-людськи."

Встреча друзей после поединка отмечается следующим разговором, стр. 241:

А що бакъ Черевань?"

"Тутъ изъ нами у Гвинтовки", каже Петро.

"Давъ ми съ тобою сусѣде", сказавъ Запорозецъ.

"Ну, братіку, будемо жъ теперъ жити мирно, коли тѣлько проживе теперъ мирно хочъ одна душа на Вкраїні."

Плохие вести об общественном деле вызывают у Сомка вспышку, стр. 184:

"Да кажи прѣсто, щобъ тобѣ язѣкъ усѣхъ!" крикне Сомко.
"Лучше, якъ-би всѣхъ, пане гетьмане, нѣжъ возвѣщати тобѣ такую вѣсть!"

а у Шрама тихое негодование, стр. 189:

"Не вже жъ", каже, "отсе справді усѣ й роскѣтитця, якъ горохъ изъ жмені? Не вже жъ на те козаки воєвали и кровъ свою проливали, щобъ пропала козацька слава порошиною зъ дула?" Да й згадавъ старий смутну пісню, що зложивъ Божий Чоловѣкъ, якъ умеръ бѣтько Хмельницький?"

Чувство Шрама после поединка Кирила Тура с Петром выражены в отрывке на стр. 177:

А Шрамъ смутно привѣтавъ Череваниху: "Бачъ", каже, "нѣне, чого твоя дочка нарѣдила! уже де замѣшається вашъ жѣночий рѣдъ, то добра буде мало."

Слова похвалы Шраму и Сомку остались не переведены на стр. 412:

Такъ -то той щѣрий козарлюга и пѣль Иванъ Шрамъ Поволоцький, и славнои рѣцарь Сомко Переяславський,

не в'радивши нічого супротивъ лихої Української долі, полягли одъ беззаконного меча шановними головами. Хоть-же вони и полягли головами, хоть и вмёрли лютою смертю, да не вмёрла, не полягла їх слава. Буде їх слава поміж земляками, поміж літописами, поміж усіма розумними головами.

Переходя к отрывкам вставленным в русском издании, можно отметить, что распространенность изображений природы, описаний хуторов и пасеки, являются отличительной чертой русского издания. Насколько сжатость выражений и описаний делают украинское издание типичным для его духа, настолько лирические отступления и обширные изображения делают русское издание типичным для этого языка и более применимым для русского читателя. Начиная уже со страницы четвертой, вставлено продолжительное изображение хутора Хмарища, стр. 4:

Пастбище было тутъ же, потому что хуторъ Череваня былъ не что иное, какъ левада, или пастовникъ. На горбѣ, между старыми грушами, видѣлись двѣ хати, съ бѣлыми, низкими стѣнами и высокими соломенными, позеленѣлыми крышами, надъ которыми стояли черные деревянные дымари подъ рѣзными крышками. Дубовые косяки въ окнахъ вырѣзаны были зигзагами, какъ можно видѣть въ старинныхъ деревянныхъ церквахъ. Двери подъ навѣсами были внизу и вверху уже, чѣмъ по срединѣ, и этою формою напоминало осанистыя фигуры пожилыхъ старшинъ козацкихъ, которые въ нихъ проходили. Тутъ же стоялъ и колодезь съ высокимъ журавлемъ, на подобіе глаголя. У колодезя виденъ былъ почерневшій, съ бѣлымъ, вышитымъ красными узорами рушникомъ. За колодеземъ тянулся весь увитый хмѣлемъ плетень, ограждающій садъ, пасику и огородъ отъ вторженія телятъ, которыя паслись между деревьями. Левада скатывалась съ горба въ низину, гдѣ изъ-за зеленого камыша блестяла запруженная вода и выглядывала почернѣвшая, стромкая, съ двумя шпилями, крыша шумящей мельницы. Усадьба Череваня съ трехъ сторонъ была защищена топкими камышчатыми берегами рѣчки, а съ четвертой деревянною башнею и валомъ. Въ случаѣ опасности, пастухи сгоняли сюда овецъ, рогатый скотъ, лошадей, а сами брали мушкеты и пищали, которыхъ у Череваня хранилось въ башнѣ немало, и готовы были отстрѣливаться хоть цѣлый мѣсяць отъ Татаръ, или отъ бродячей затажной роты Ляховъ. Тѣ и

другіе появлялись въ Кіевскихъ окрестностяхъ, какъ метеоры, и служъ объ нихъ могъ прійти въ Хмарище во всякое время. Но теперь все въ хуторѣ было тихо; пчелы жужжали въ цвѣтушихъ грушахъ; мельница глухо шумѣла; за высокимъ камышемъ раздавались на вадѣ крики дикихъ птицъ; а соловьи в саду всѣ эти звуки ладили одинъ съ другими. Свѣжесть обняла усталыхъ путниковъ въ этомъ мирномъ и полномъ всякаго добра уголкѣ; разнузданные кони весело заржали.

Потомъ следуетъ картина пасеки с образомъ на высокомъ ульѣ, стр. 12:

Образъ стоялъ на высокомъ ульѣ подѣ небольшимъ навѣсцемъ, который защищалъ святого Зосиму отъ дождя, и сверхъ того образъ прикрытъ былъ, на подобіе рамки бѣлымъ рушникомъ, разшитымъ нитками.

Василь Невольникъ былъ преданъ душою святому Зосимъ и, пока Шрамъ тихо молился, онъ благословлялъ Бога и его угодника за то, что они научили людей пчеловодству. Онъ вѣрилъ вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, что въ старину пчелы были извѣстны только какимъ-то Плясовицамъ, которыя при восходѣ солнца, мѣсяца и звѣздъ плясали на нашихъ стѣнныхъ могилахъ: святой Зосима, по повелѣнію божію, служилъ у нихъ пасичникомъ и потомъ научилъ весь народъ обходиться съ пчелами. Объ этомъ-то подвигѣ святого распространился было Василь Невольникъ; но вниманіе Шрама было развлечено отдаленными звуками бандуры и пѣніемъ.

Картина природы связанная с хуторомъ Гвинтовки, стр. 123:

Объ именемъ хутора въ воображеніи читателя, конечно, соединяются пустынные картины лѣсовъ и водъ, между которыхъ мирно пріютились скромныя строенія и огорожи. Лѣсъ и вода - благодать въ Малороссіи, и ради этой-то благодати каждый, кто можетъ, поселяется отдѣльнымъ хуторомъ, оставляя безводныя и открытыя для жаровъ и вьюги села. Панъ Гвинтовка занялъ себѣ для хутора самую лучшую мѣстность подѣ Нѣжиномъ, и даже у полковника Васюты Золотаренка не было такихъ вѣковечныхъ лѣсовъ, такихъ роскошныхъ пастовниковъ, какъ у Гвинтовки.

Изображение природы, сопутствующей каравану Шрама с Череванем и его семьей, стр. 38:

Череванъ не торопился ѣхать, изъ уваженія къ своей полноувѣсной особѣ; поѣздъ подвигался впередъ медленно и представлялъ довольно красивую группу. По лѣсу раздавалось пѣніе птицъ. Солнце играло на одеждахъ, нарядахъ и вооруженіи путниковъ. Посреди свѣжей весенней зелени еще ярче горѣлъ пурпуръ сукна и шелку

золотилась парча и блистали розы щекъ и свѣжихъ усть красавицы, которая была такъ хороша въ своемъ аломъ кунтуше и черномъ сверху открытомъ корабликѣ, поднимавшемся посреди пышныхъ ея косъ наподобіе короны, что всѣ прочіе богомольцы казались подлѣ нея подданными, сопровождавшими свою княгиню. Можно бы подумать, что это древняя Ольга Игориха выѣзжала погулять по заповѣднымъ кѣвскимъ дугамъ, и возвращается въ свою столицу, въ сопровожденіи кормилицы и приближенныхъ бояръ своихъ.

В русском издании Кулиш очень охотно отдалается в прошлое, как уже было видно из предыдущего отрывка и трех последующих. Следующий отрывок говорит о вселении униатской церкви на Украине и бедах, сопровождавших это вселение, стр. 42:

Перепополняютъ нашу душу горячими чувствами и недавніа твои воспоминанія - воспоминанія о битвахъ за свободу нашей Церкви и національности. Много надѣлала тебѣ бѣды, нашъ родной Кіевъ, безумная уніа! Она, вмѣсто соединенія церквей, воспламенила только страсти съ обѣихъ сторонъ и превратила святую ревность къ верѣ въ жестокій фанатизмъ. Уніаты и католики обыкновенно наѣзжали съ вооруженными людьми на монастыри и монастырскія владѣнія, выгоняли изъ нихъ православныхъ, грабили церковное имущество, уничтожали духовные школы. Православные, въ свою очередь, пользовались счастливыми обстоятельствами для возвращенія подобнымъ же способомъ своей собственности. Все время проходило въ битвахъ и тревогахъ, и кѣвскія святыни, потерпѣвшія въ старые годы отъ Татаръ, не только не возстановились, а приходили еще въ болѣе упадокъ.

Монахъ Кіевопечерского монастыря Аванасій Кальнофойскій, описывая въ своей "Тератургимѣ" тогдашній Кіевъ, и упоминая о многихъ древнихъ, въ одномъ мѣстѣ говорить, что отъ такой-то церкви "остались едва стѣны, а развалины покрыты землею", въ другомъ - что церковныя зданія лежатъ подъ буграми развалинъ и кажутся "погребенными навѣки"; наконецъ, дошедши до конца старокіевской возвышенности, бросаетъ грустный взглядъ на Кіевоподоль, называя его "жалостнымъ" и говорить, что онъ едва ли достоинъ имени Кіева, "въ которомъ, по его словамъ, нѣкогда было церковей болѣе 300 каменныхъ, 100 деревянныхъ, а нынѣ всѣхъ едва ли 13".

Украинская лѣтопись также, въ немногихъ словахъ, но живо, изображаетъ намъ плачевное состояніе Кіева около половины XVII вѣка. "Приде же, говорить она,

Хмельницкій въ Кіевѣ, благодареніе Богу воздавая, давшему ему побѣду, и, видѣвши красоту церквей божіихъ опустошенну и на землю поверженну, плакася."

Следующее историческое отступление нам говорит опять о прошлом Кіева - "колыбели русскаго православія", стр. 53:

Даже изъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи всякая благочестивая душа стремится помыслами къ этой колыбели русскаго православія и русской народности. Кіевъ славится въ пѣсняхъ, которыя ребенокъ слушаетъ, какъ нѣчто религиозное, у окна родительскаго дома, въ великій вечеръ Рождества Христова, когда народъ ходитъ отъ хаты до хаты и торжественнымъ хоромъ возвѣщаетъ каждому богатому и убогому семейству "новую радость". Кіевъ составляетъ любимый предметъ бабушекъ-разскащицъ, когда ихъ въ зимніе вечера окружаютъ внуки и внучки, жаждущіе необыкновеннаго, блистательнаго и волшебнаго посреди своей простой сельской жизни. Разказы о Кіевѣ, о его церквахъ, о его пещерахъ, о его горахъ и глубокихъ ярахъ, никогда не наскучать въ кругу людей, рѣдко оставляющихъ родное село; да и тѣ, которые извѣздили всѣ государства, возвратясь въ Кіевъ, съ изумленіемъ сознаются, что ничего прекраснѣе они не видали. И не только въ наше время, но и въ отдаленнѣйшую старину, Кіевъ всегда былъ царственнымъ городомъ. Одними своими высотами, своими широко раскинутыми живописными массами горъ и долинъ надъ изогнутой огромными колѣнами рѣкой, съ необозримыми плоскими побережьями, вдоль безконечно тянущагося хребта береговыхъ горъ, онъ производитъ на душу неиспытываемое нигдѣ впечатлѣніе красоты и величія.

В следующем отрывке Кулишъ распространяется о не такихъ еще давнихъ временахъ польскаго правленія, стр. 120:

Еще недавно сбросилъ народъ тяжелое иго польскою безурядицы; еще живы были въ памяти стариковъ возмутительныя сцены панскихъ насилій; еще не улеглись вырвавшіяся на волю страсти долго безмолвствовавшаго простонародья. Новый порядокъ вещей, устроенный самими представителями козачества, едва смогъ заключить разливъ необузданной воли въ законныя границы; но къ нимъ никто не привыкъ еще, и каждую минуту можно было ожидать ихъ разрушенія. Такая минута наступила теперь. Шрамъ это чувствовалъ, внимая не-хотя народнымъ толкамъ Молодые поселяне окружали стариковъ и едва вѣрили ушамъ своимъ, чтобы еще такъ недавно весь край находился въ такомъ страшномъ порабоженіи у магнатовъ, пановъ, шляхты и всего ихъ причета.

Значительный отрывок посвящен жизни Шрама после военных бурь,
стр. 10:

Послѣ военных бурь и общественной дѣятельности въ санѣ полковника, Шрамъ полюбилъ тишину домашней жизни. Въ случаѣ надобности, онъ посылалъ въ походы сына, а самъ хозяйничалъ на сѣнокосахъ и поляхъ, сиживалъ одинокимъ пустынникомъ въ пасикѣ, а въ праздники молился съ народомъ Богу, и потомъ распивалъ съ старыми пріятелями меды и наливки; любилъ изрѣдка посѣтить хуторъ такого жъ, какъ и самъ, пасичника, заброшенный въ какомъ нибудь глухомъ байракѣ, чтобы помянуть за чаркой старину; любилъ и у себя въ хатѣ, увѣшанной, по тогдашнему, оружіемъ, употчивать далекаго и близкаго гостя; словомъ - велъ такую жизнь, о какой только можетъ мечтать козакъ подъ старость. Такъ думалъ онъ окончить дни свои;

Дальше следует вставленный отрывок с рассказом Череваня об освобождении Василя Невольника из неволи, стр. 15:

И, выпивши, онъ опять обратился къ своему доброму дѣду: - что объ этомъ толковать, бгаты? Когда при- шель ко мнѣ Божій Человѣкъ, да спѣлъ свою пѣсню про невольниковъ, какъ они погибають тамъ на галерахъ, да рассказалъ, что и Василь нашъ тамъ же мучится, - такъ я готовъ былъ послѣднюю сорочку отдать на выкупъ! ей Богу, бгаты, такъ!

Отрывок, выражающий настроение Череваня оставаться в стороне от всех настоящих происшествий, стр. 21:

Бгаты! сказалъ Черевань, полно вамъ толковать про войсковыя суматохи да про чванство! Здѣсь у насъ этого, слава Богу, нѣтъ. У насъ все тихо да мирно. Ко мнѣ ездятъ добрые люди изъ Кіева; я тоже не забываю въ Кіевѣ добрыхъ пріятелей. Пьемъ себѣ да вспоминаемъ старину; а о новомъ времени пускай горюють новые люди!

Следующий разговор между Череванем и Шрамом показывает взгляд последнего на роль Запорожцев в жизни Украины, стр. 63:

-Однакожъ, бгаты, сказалъ Черевань, запорожскіе брат- чики подали первые руку батьку Хмѣльницкому... И хотѣлъ еще что-то сказать въ защиту "добрыхъ мо- лодцовъ"; но Шрамъ сердито перебилъ его рѣчь: -Кой чортъ! съ чего ты это взялъ? Тѣхъ Запорожцевъ уже нѣтъ на свѣтѣ, что подали Хмѣльницкому руку. Развѣ мало легло ихъ на окопахъ подъ Збаражемъ, на гатяхъ подъ Берестечкомъ, да и вездѣ, гдѣ только сшибалась наша сила съ польскою силою? Они первые шли въ битву,

какъ истинные воины христовы, первые падали подъ картечью и пулями... Теперь они у Господа на небесахъ. А это развѣ Запорожцы? Это винокуры да печкуры нарядились въ краденные жупаны и называются Запорожцами!

Упрекаемый Шрамом за свою нестойкость, Черевань решает доказать ему противоположное и ехать за Шрамом туда, куда и тот поедет. Это решение отразилось на Череване следующим образом, стр. 52:

Въ это время онъ, казалось, выпрямился и помолодѣлъ; такъ старый козацкій духъ, вспыхнувшій въ немъ на минуту, оживилъ его душу, подавленную тучнымъ и лѣнивымъ тѣломъ.

Религиозные чувства Шрама тоже нашли свое выражение в добавленных отрывках, стр. 52; добавленные слова из книги псалмов, здесь не будут цитированы, т.к. о них будет говоритья отдельно;

И потомъ, по своему обычаю, тихо проговорилъ изъ книги псалмовъ, самой любимой у Малороссианъ изъ всѣхъ библейскихъ книгъ:

Особое внимание уделяется восхождению Шрама и его спутников Братским монастырем, стр. 56:

Спутники раздѣляли его чувства, и даже кипящая любовью, негодованіем и ревностью душа молодого козака здѣсь нѣсколько успокоилась; ибо бываютъ минуты у людей воспитанныхъ такъ, какъ онъ, когда посреди самаго страшного разгара земныхъ чувствъ, на томъщуюся душу вдругъ повѣетъ животворная прохлада божественнаго наитія. Къ несчастью, это продолжается только нѣсколько мгновеній. Можно сказать, что ангелъ мира противъ воли улетаетъ отъ возгорѣвшейся страстями души, съ обозженными крыльями, и оставляетъ ее въ жертву собственному пламени.

Тотъ вѣкъ отличался особеннымъ развитіемъ религіозности, такъ какъ народъ былъ убѣжденъ, что Богъ помогаетъ нашимъ противъ католиковъ для спасенія православія; и наши богомольцы, вступя въ церковь, произносили въ слухъ свои молитвы, вѣруя всѣмъ сердцемъ, что они пришли въ домъ Отца Небеснаго. Но громче всѣхъ раздавался голосъ старого

Шрама. Онъ обращался въ Богу словами Псалмопѣвца:

Два отрывка относятся к изображению шумного провода Запорожца-прощальника, стр. 60:

Танцы отъ времени до времени прерывали поѣздъ, и юродивый рыцарь велъ такимъ образомъ шумную ватагу свою на разстоянїи двадцати верстъ до самыхъ монастырскихъ воротъ. Иногда дня два и три употреблялось на этотъ переходъ. Ночью, въ надднѣпровскихъ байракахъ, зажигались огни, варился на ужинъ кулишь, или галушки, и далеко по Днѣпру слышны были рыбакамъ пѣсни и крики запорожскаго прощанья со свѣтомъ. Когда же танцующая оргїя приближалась наконецъ къ воротамъ Межигорскаго Спаса, прощальникъ бралъ въ руки келепъ, и громко стучалъ въ ворота. Монахи, состоявшіе почти изъ однихъ ему подобныхъ стариковъ, знали напередъ о его приходѣ;

Следующий отрывок добавлен тоже для пояснения обычаев и непосредственныхъ действий прощальников, стр. 61:

Такъ рассказываютъ о прощальникахъ малороссїйскіе старожилы, современники послѣднихъ годовъ существованїя Запорожской Сѣчи. Въ XVII вѣкѣ обычай прощаться со свѣтомъ былъ во всей силѣ. Когда Шрамъ и его спутники вышли изъ воротъ Братской колокольни на высокїй рундукъ, музыка загремѣла громче; смѣшанный крикъ и топотъ раздался въ воздухъ сильнѣе. Изъ сосѣдней улицы высыпали, какъ изъ мѣшка, Запорожцы, и наполнили все пространство передъ монастыремъ.

Несколько короткихъ мест уделены сватовству Петра и любовнымъ переживаниямъ героев и ихъ размышлениямъ, стр. 36:

Отсутствїе матери было въ глазахъ обоихъ сватовъ важнымъ препятствїемъ къ обрученїю. Но пани Череваниха летала мухою по всему дому, успѣвая хлопотать за десятерыхъ, и какъ разъ во время показалась въ свѣтицѣ.

Размышления Леси надъ своею любовью и комментарии автора о чувствахъ женщины, стр. 88:

Не жаловалась однакожь она въ душѣ своей ни на старого Шрама, ни на его сына, - ихъ она оттолкнула отъ себя добровольно; не жаловалась и на своего отца, - тому все было ни по чемъ, когда завязывалась прїятельская пирушка; но ея сердце сильно обвиняло жениха, который какъ будто позабылъ, что у него есть невеста.

Женщине нужно хоть на одинъ мигъ, но полное торжество надъ сильнымъ, гордымъ мужчиною. Леся не имѣла и не могла имѣть надъ Сомкомъ такого торжества. Онъ удостаивалъ ее любви, и не сомнѣвался ни одной минуты въ ея привязанности.

Размышления Петра передъ выкрадываніемъ Леси заслужили, какъ добавочного предложения, такъ и целого отрывка, стр. 98:

Правда - размышлялъ онъ - почему же не быть помощи божіей для освобожденія невольника изъ бусурменской земли, или для того, чтобъ невѣрная Турчанка сдѣлалась христіанкою? Но отъ такихъ разбихахъ, у которыхъ безпрестанно на языкъ какая-нибудь дрянь, и Богъ отступится.

Переживания похищенной Леси в рукахъ Кирила Тура заслуживаютъ добавленнаго отрывка, стр. 102:

Яростный взглядъ, брошенный при этомъ изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, и голосъ, врѣзывавшійся въ самое сердце, заставили бѣдную отмицу повиноваться ея похитителямъ, и только мысленно молить Бога о помощи.

Возвращенію Петра и неожиданной встрече с Лесей тоже отведены два добавочныхъ отрывка, стр. 225:

Какъ не глубока была его сыновняя горестъ, но она поглотила не всѣ его чувства; безпокойство объ участи Леси сильно томило его душу. Ему какъ-то не вѣрилось, чтобъ онъ никогда больше не увидѣлъ ея. Даже разбирая теперь спокойнѣе характеръ причудливаго Кирила Тура и всѣ его поступки, онъ находилъ въ нихъ противорѣчіе съ послѣднимъ поворотомъ его сердца. Коротко сказать - онъ выѣхалъ изъ Паволоча и направился прямо къ Хмарищу, почти въ полной увѣренности, что его Леся тамъ.

Неожиданно услышанный голосъ Леси, стр. 226:

Это былъ голосъ Леси. Она все еще напѣвала пѣсню, но уже не ту, что прежде; теперь ни нѣга, ни любовная грусть не отзывались въ ея голосъ; пѣсня ея была уныла, какъ свистъ осенняго вѣтра между деревьями.

Поведеніе Пугача и его отношеніе къ Гвинтовке, определяется слѣдующимъ добавочнымъ отрывкомъ, стр. 139:

И вышелъ изъ свѣтлицы. Но на дворъ козаки Гвинтовки слышали, какъ онъ сказалъ мѣщанамъ: - Чтобъ ихъ не-

чистый взялъ съ ихъ вечерю, этихъ пановъ окаянныхъ!
Пойдемъ лучше къ вамъ, дѣтки!

И опять слова Пугача, предвещающего мрачное будущее Украины и
участь ее верных казаков, стр. 210:

Увидите, до чего вы доживете на Украинѣ съ такою
правдою. Не долго попануете! Поднимутся и противъ
васъ такъ, какъ противъ Сомка да Васюты! И не проси-
те тогда у насъ помощи, ледящицы! Хоть пускай мимо
самой Сѣчи плывутъ по Днѣпру ваши тѣла, не двинемся
вамъ на помощь! хоть огнемъ тутъ горите, не придемъ
гасить пожаръ!

Замечание Белозерца - начало вставленных отрывков о Раде и ее
исходе, стр. 171:

-Они уже и безъ того на дорогѣ къ Нѣжину, сказали
Бѣлозерецъ. Я напередъ это предвидѣлъ. А гдѣ же
панъ гетманъ?

На действия происходившие непосредственно перед Радой, Кулиш
употребил три добавочных отрывка подряд, стр. 176-177:

Если бѣ Шрамъ слышалъ эти слова, онъ въ ту жъ минуту
раздробилъ бы ему голову, и отвѣчалъ бы за это пе-
редъ генеральною радой; но въ том-то и дѣло, что
Вуяхевичъ такъ искусно умѣлъ разсѣвать свои отрывис-
тыя фразы, что одни только тѣ ихъ слышали, для кого
онъ назначались.

Войско Сомково шумѣло и волновалось, какъ пчели-
ный рой передъ полетомъ. Теперь уже никто не видѣлъ
надъ собою старшихъ; всякъ сдѣлался самъ дѣйствию-
щимъ лицомъ, всякъ взвѣшивалъ въ своемъ умѣ настоя-
н | я обстоятельства и спрашивался у собственного про-
извола, что предпринять ему. Зловредныя сѣмена, посѣян-
ныя въ козацкихъ умахъ умышленными угрозами Вуяхевича,
пустили немедленно ростки и дали плодъ свой. Въ иныхъ
мѣстахъ по табору козаки трактовали въ слухъ о своей
старшинѣ, вспоминая всякую непр | ятность, испытанную
ими когда либо отъ сотниковъ и полковниковъ. Старшина,
слушая эти толки, приходила въ ужасъ и робко усмирляла
своихъ подчиненныхъ. А между тѣмъ козаки толпами ухо-
дили изъ стану въ Романовскую Куть, и каждую минуту
можно было ожидать, что все войско оставитъ лагерь и
уйдетъ къ Бруховецкому.

Можетъ быть, это и случилось бы, если бѣ Шрамъ,
созвавъ на скоро частную раду, не произнесъ къ коза-
камъ сильной увѣщательной рѣчи. Впрочемъ на войсковую
чернь не столько подѣйствовали его политическіе до-
воды, сколько имя Христа, которое онъ нѣсколько разъ

повторялъ энергическимъ голосомъ, поднимая вверхъ сіяющій крестъ съ распятіемъ. Когда души чѣмъ нибудь сильно встревожены, когда люди, въ запутанныхъ и угрожающихъ обстоятельствахъ, не знаютъ, куда обратиться и гдѣ искать спасенія, тогда легче всего дѣйствовать на нихъ Словомъ Божиимъ. Съ дѣтскою покорностью, съ сознаніемъ челоѳческой своей немощи, они обращаются къ зовущему подъ покровъ вѣры голосу, и рѣчь проповѣдника разливается по стѣсненнымъ сердцамъ, какъ живительное лекарство. Увѣщаніе Шрама сковало всѣ уста и смирило всѣ души. Старшина ободрилась, и, не довѣряя подчиненнымъ, сама заняла всѣ пикеты.

Размышления автора о проишествіяхъ, последовавшихъ непосредственно Черной Раде, нашли выраженіе в добавочномъ отрывкѣ, стр. 203

Въ этотъ день произошло столько дивнаго, ужаснаго и потрясающаго душу, что добрый челоѳкъ едва вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ, очень похоже было на неестественныя событія, вяжущіяся одно съ другимъ въ тяжеломъ снѣ. Умъ его былъ всемъ этимъ наконецъ до того подавленъ, что онъ не могъ ни о чемъ думать, и стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, устремивъ безъ смысла глаза на удаляющагося отъ него Тараса Сурмача съ его бургомистрами.

Замешательство в лагере московскихъ бояръ выражено на стр. 195:

Онъ привелъ съ собою сильный отрядъ пѣхоты; но ни онъ самъ, ни его подчиненные, не знали, какъ употребить ее въ дѣло при такомъ страшномъ замѣшательствѣ. Московская рать стояла подъ ружьемъ, какъ оцпенѣлая, что вокругъ нея дѣлается и ожидая съ каждой минутою нападенія отъ козаковъ.

Смешанные чувства Бруховецкаго после своей победы представлены на стр. 214:

Этотъ несвязный разговоръ съ самимъ собою то вырывался у него какъ бы противъ воли сквозь зубы, то договаривался мысленно. Иногда онъ останавливался, но не протоявъ и полъ-минуты, опять принимался ходить.

д/ Перефразированные отрывки

При подробном сравнении двух произведений в вольном переводе пропуски и добавления очевидны. Отрывки иначе написанные нуждаются в тщательном рассмотрении, так как автор нашел нужным их перефразировать.

Художественный перевод отличается от оригинала в лексических особенностях. Эстетическая сторона произведения должна остаться неизменной. Для того чтобы сохранить свойственный дух и эстетику оригинала и не нарушить баланс в переводе, автор прибегает к метафорам, сравнениям, фразеологическим соединениям и поговоркам, переведенным не в соответствии одного издания к другому. Буквальный перевод идиомов не приводит к удовлетворительному результату. Равноценные слова на разных языках в контексте приобретают разные значения. Часто, при переводе, Кулиш поясняет то или другое предложение, развивая первоначальную мысль, обогащая ее описанием обычая, мифическим преданием или примером из исторического прошлого. В большинстве случаев такие эскапады очень удачны, в особенности при изображении природы, усадьбы или исторических событий. В местах же где Кулиш в оригинале употребил пословицу, поговорку или восклицание, в переводе он заменил их плавным многословным пояснением, что иногда растворяет первоначальные сгущенные краски.

В нижеприведенных примерах разница в объеме сравниваемых отрывков очевидна, на другие отличительные стороны